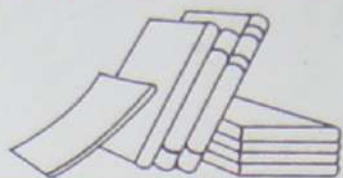
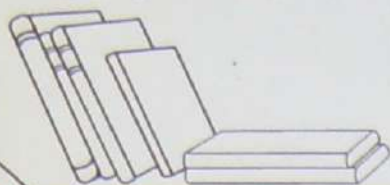

**ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА
ВЕТЕРАНА**

ВОИН КРАСНОЙ АРМИИ,

СПАСИ!

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ

Серия 14. Дети войны

Челябинский областной совет ветеранов войны, труда,
Вооруженных Сил и правоохранительных органов

Л.А. Попов

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ

Серия 14. Дети войны

Челябинск 2012

Данная серия книг подготовлена к 70-й годовщине Победы
Советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.
ПРИ СОДЕЙСТВИИ ЧЕЛЯБИНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОАО «СБЕРБАНК РОССИИ»

Консультант

Козлов Евгений Николаевич,
участник штурма Берлина,
почетный председатель городского комитета ветеранов войны,
военной службы, боевых действий и правоохранительных органов.

Рецензенты:

Белозерцев Анатолий Константинович,
председатель Челябинской областной писательской
организации, член Союза писателей России.

Терехов Алексей Николаевич,
кандидат исторических наук.

Попов Л.А.

Бойцы вспоминают. Серия 14. Дети войны.

Текст дан в авторской редакции

Это нашей истории строки

«В Челябинской области первая организация бывших малолетних узников фашистских концлагерей возникла в 1990 году в Озерске...

В мае 1992 г. создана Чел. гор. О.б.м.у.ф.к...

В 2002 г. реорганизована в региональную и объединила Златоустовскую, Озерскую, Карталинскую организации, а также б.м.у.ф.к. проживающих в сельских районах области...

Основные цели и задачи объединения: защита гражданских и социальных прав б.м.у.ф.к; оказание содействия в улучшении их жил. условий, бытового и медицинского обслуживания, в предоставлении им льгот, предусмотренных законодательством, участие в воспитат. - патриотич. Работе...»

(Энци. Чел. Обл. т.4. Чел. 2005. С.729)

В 1941-1942 гг. из блокадного Ленинграда в Челябинск было эвакуировано 20300 ленинградцев, которые самоотверженным трудом вместе с южноуральцами ковали победу в тылу и создали на базе Челябинского Кировского тракторного завода поточное производство средних и тяжелых танков, названное в народе Танкоградом....

8 мая 1988 года челябинскими ветеранами-блокадниками, работающими на ЧТЗ, была создана Челябинская общественная организация «Блокадное братство, насчитывающая в своих рядах более 500 человек. В настоящее время целью этой организации является социальная защита ветеранов-бывших жителей блокадного Ленинграда, сохранение и увековечивание памяти о героическом подвиге Ленинграда в годы Великой Отечественной войны и патриотическое воспитание подрастающего поколения.

(Информация принята с памятного знака Ленинградский мост» в Челябинске.)

«Челяб. регион. Общест. Организация «Память сердца» создана 30 мая 2000 г... Объединяет граждан, родители которых погибли при исполнении воинского долга... Главными целями и задачами организации является оказание моральной и материальной поддержки своим членам... и патриотическое воспитание подрастающего поколения. Со дня образования организация выдвигает требования:

- 1. Установить статус «Дети погибших защитников Отечества».*
- 2. Установить компенсационную надбавку к пенсиям Детей погибших защитников Отечества.*
- 3. Наградить посмертно всех погибших воинов памятными медалями и вручить их семьям погибших».*

(История ветеранского движения Челябинской области. Т.2. Челябинск, 2006. С.286).

*Память сердца,
В сердце память
Мы обязаны хранить.
Как же ты могла, Россия,
Нас, детей войны, забыть ?!*

*(Фрагмент Гимна организации «Память сердца»
Слова В.А. Девятовой, музыка Н.Е. Аношкиной)*

Председателю совета Челябинской общественной организации бывших малолетних узников фашистских концлагерей Игорю Анатольевичу Царькову 30 марта 2012 года исполняется 80 лет. За последние годы его организация понесла значительные потери, из 750 ее членов в 2000 году, в настоящее время осталось 297.

Но оставшиеся, превратившиеся в седых ветеранов, бывшие малолетние узники, не сбавляют темпов работы своей организации. Основанный ими музей «Детство, обожженное войной» в школе № 75 является одним из лучших в городе. А к 65-летию Победы по инициативе И.А. Царькова была развернута передвижная выставка «Дети войны – детям мира». Эта выставка, созданная по строго документальным материалам, свидетельствующим о злодеяниях фашизма на оккупированной им территории СССР, содержит редкие фотоснимки и статистические материалы. Многие ее посетители впервые узнают, что в Великую Отечественную войну в СССР погибло 2,5 миллиона детей. А от ознакомления с тем, что фашисты сделали и что планировали сделать с мирными жителями поработанной страны, не у всех выдерживали нервы. Зафиксированы случаи, когда отдельные посетители себя плохо чувствовали.

Выставка уже побывала в 26 учреждениях. «Цель выставки – напомнить людям о недопущении новой войны, разъяснить им, что возрождение фашизма – это война, а пересмотр итогов Второй мировой войны – это путь к войне», – констатирует ее организатор И.А. Царьков.

Родился Игорь Анатольевич в Днепропетровске. В 1941 году он успешно окончил первый класс начальной школы. В его памяти навсегда остались светлые классные комнаты, первая учительница, первые школьные товарищи и торжественная линейка, на которой повязывали яркие кумачовые галстуки ребятам постарше, вступавшим в пионерский отряд. Быть пионером собирался и Игорь Царьков. Но его желанию не было суждено сбыться. Началась Великая Отечественная война. В город вошли немецкие войска и установили жесточайший оккупационный режим.

«Когда мы, воспитанные в советском духе, – рассказывал И.А. Царьков, – на перекрестке проспекта Пушкина и улицы Философской увидели повешенного на дереве человека, мы не поверили своим глазам. Мы думали, что повесили здесь уже умершего человека. Повешенный был молодым человеком, босяком. Ветер слегка раскачивал его из

стороны в сторону, а на груди этого парня висела табличка с надписью: «За тэ що я тремав оружие» (За то, что я держал оружие).

Среди первых указов оккупантов в Днепропетровске, кроме сдачи оружия, был указ о обязательном ношении гражданами еврейской национальности нашивок в виде шестиконечной звезды и нарукавных повязок. Нашими соседями по квартире были одинокая женщина Маркелова и еврейская семья: мать с сыном, моим ровесником Борькой. Его отец, как и мой, находился на фронте. Когда оккупанты объявили приказ по городу всем евреям собраться на площади Карла Маркса якобы для отправки на землю обетованную и при себе иметь только ценные вещи, встревоженная мать Борьки привела своего сына к Маркеловой и попросила приютить его, пояснив, что нас, евреев, собирают, наверное, для того чтобы умертвить. Меня и других друзей Борьки родители строго предупредили никому об этом не говорить ни слова.

Собравшихся на площади днепропетровских евреев полицаи построили в колонну и под усиленной вооруженной охраной, с рвущимися с поводков овчарками повели в конец проспекта Карла Маркса, где начинались лесопарковая зона и Монастырский лес. Люди шли молча. Две молодые женщины вели под руки дряхлую старушку. Рядом шли дети,

4

держась за руки родителей. Мужчина в шляпе нес на руках маленькую девочку. Здесь же была и мама Бориса в голубом платке на голове, но при движении она затерялась в толпе. Я искал в колонне ее голубой платок, но найти не мог. Зрелище было мрачное. В душах провожающих возростала тревога за судьбы этих людей, но никто из нас даже подумать не мог, что их ведут на расстрел. На территорию лесопарковой зоны провожающих не пустили. Колонна вошла в лес, сомкнулась за нею листва деревьев. Смолк лай собак. И через некоторое время мы услышали треск пулеметных очередей и одиночные выстрелы. Потом все стихло. На другой день мы с ребятами тайно пробрались в Монастырский лес и увидели большой участок свежей, разровненной земли. Мне показалось тогда, что земля колышется. Наверное, кого-то закапывали живыми. Дрожа от страха мы вернулись домой. В этот вечер я долго не мог уснуть. От любого шороха и стука на улице вздрагивал. Рассматривая проглядывавшийся через окно кусочек, усыпанный яркими звездами ночного неба, я думал: «Где же сейчас мой папа, где Красная Армия? Почему она не идет к нам на помощь?»

С лета 1943 года все чаще стали появляться над городом советские самолеты, они бомбили расположение оккупантов. Немцы засуетились. В октябре 1943 года под ударами Красной Армии они, наконец-то, побежали восвояси. Покидая Днепропетровск, фашисты собрали жителей близлежащих домов, построили и погнали их сзади колонны отступающих своих солдат с целью защититься мирными жителями от выстрелов красноармейцев. Среди этих жителей оказались и мы с Борькой.

На железнодорожной станции Лошкаревка нас затолкали в «телячьи» вагоны, прицепили их к воинскому эшелону, чтобы партизаны не подорвали его, и три дня везли в неизвестность. В городе Кракове нас выгрузили и распределили кого на умерщвление, кого в лагерь. Мы с Борькой попали в лагерь Магдебурга. Жили с ним в одном бараке. Кормили нас похлебкой из брюквы. Периодически брали у нас кровь для раненых немецких солдат, дополнительно в эти дни мы получали по маленькому кусочку эрзац-хлеба. Каждый день под охраной мы ходили на работы, очищали перрон на желдорстанции, складировали брикеты угля, убирали мусор. В конце 1944 года стало приходиться много эшелонов с фронта с ранеными немецкими солдатами. Делая после них уборку вагонов, мы иногда находили кусочки хлеба и другое съестное, но не съедали найденное тут же, а приносили в лагерь и поровну делили между собой. Примечательно, все знали, что Борька еврей, но никто не выдал своего товарища.

В 1945 году участились налеты авиации союзников. В Магдебурге не было военных объектов, но бомбили его союзники усердно, потому что знали о предстоящем вхождении этого города в советскую зону оккупации. В конце апреля 1945 года был особенно сильный ночной авианалет. Вначале самолеты сбросили осветительные бомбы на парашютах, стало светло, как днем, и началась бомбежка города. Земля стонала, как живая. Дребезжали стекла в бараках, стоял сплошной гул. Все вокруг нашего лагеря горело. Но на наш лагерь не упала ни одна бомба. Утром нас вывели на расчистку завалов на вокзале, где перед нами предстала жуткая картина: глубокие воронки после бомбежки, дымящиеся развалины, разбросанные фрагменты человеческих тел, завязанные взрывами в узел железнодорожные рельсы и сгоревший арестантский вагон, внутри металлического каркаса, которого мы увидели превратившихся в головешки людей. Их было много. Они сидели на металлических скамейках в разных позах, прикованные к скамье наручниками. При легком прикосновении к ним бывшие арестанты рассыпались в прах, как рассыпаются сгоревшие листы бумаги. Этот вагон снится мне до сих пор. Не раз я просыпался среди ночи от страшных воспоминаний.

Освобождение пришло к нам в начале мая. Советский капитан с орденами на груди долго по-отечески беседовал с нами. Потом сказал старшине: «Найди им какую-нибудь

одежду». Старшина раздобыл где-то костюмы, обувь, выдал каждому по чемоданчику и мы 8 мая в кузове студобеккера поехали на Родину в СССР. День Победы все встретили в германском городе Бурге. Видели, как наши красноармейцы, салютуя Победе, палили вверх из всех видов оружия, даже «катюши» сделали залп. День был солнечный, ясный. На озере, прилегающем к городу, плавали белые и черные лебеди. Сердца наши переполнялись радостью и чувством наступившей свободы. Но война еще продолжалась. Переехав через польско-советскую границу, наш эшелон захватили бандеровцы и отобрали все, что выдал нам старшина. Один из наших мальчиков не хотел отдавать свой чемодан бандеровцу, за что бандеровец разможил прикладом ему голову, взял его вещи и вышел из вагона. И вот сейчас на Украине этим фашистам памятники ставят», – с возмущением закончил свой рассказ И.А. Царьков.

Он достал из папки почетную грамоту губернатора Челябинской области и с гордостью пояснил: «Этой награды я удостоен за патриотическое воспитание молодежи». А на лацкане его пиджака среди других наград выделялась самая дорогая ему медаль «Непокоренные», на обороте которой надпись «За верность и преданность Родине».

После войны И.А. Царьков окончил энергетический техникум, затем без отрыва от производства – ЧПИ. До выхода на пенсию работал на заводе дорожных машин, пройдя путь от мастера до заместителя главного инженера завода.

А в настоящее время все свое свободное время отдает ветеранскому движению. Работает в школьном музее. Ищет и находит новые формы работы своей организации. Участвует в художественной самодеятельности, поет в ансамбле «Поющие сердца». Несмотря на 80-летний возраст, на все у него хватает времени и энергии. У всех его товарищей – бывших узников фашистских концлагерей судьбы схожие. Сегодня их объединяет стремление быть вместе, состоять в одной организации, помогая друг другу, так как они лучше других знают, что в нынешнее время свои права гораздо легче отстаивать сообща, а один в поле не воин.

Ныне в руководимой им организации насчитывается 457 бывших малолетних узников, которые проживают во всех районах города. Больше всего их в Металлургическом районе. Здесь 29 мая 2003 года в торжественной обстановке вручались нагрудные знаки «Защитник Отечества» новым членам организации ветеранов войны и военной службы. Среди первых получивших знаки были Григорий Степанович Заяц, родом из Донецкой области, откуда подростком его угнали на принудительные работы в

Германию. А после освобождения в 1945 году вместо военной службы направили для работы в Челябинск. До выхода на пенсию он считался одним из лучших вальцовщиков первого прокатного цеха ЧМЗ.

В. И. Сорокина, 1927 года рождения. Ее в 1943 году оккупанты увезли в город Дрезден, заставили работать на фабрике. Когда авиация союзников бомбила фабрику, немцы прятались в убежище, а пригнанных из СССР рабочих в убежище не допускали. В лагере Вера Ивановна жила под навесом, спала на соломе. В 1948 году приехала в Челябинск к сестре. Работала каменщицей в «Уралдомноремонте». Воспитала двух сыновей и дочь.

В. А. Рыбитва родился в 1927 году в Киевской области. В 1943 году в его село прибыли эсэсовцы. Всех мужчин собрали и строем погнали на вокзал в Перемышль. «Особым зверством среди конвоиров отличались чеченские легионеры: отстающих от колонны расстреливали. Мы шли последними, я поддерживал выбивающегося из сил своего отца, и все это видел своими глазами», — рассказывал Василий Аврамович. В Германии в городе Зоест в числе пятидесяти пленных он работал на железной дороге, лопатами закапывал воронки после бомбежки, восстанавливал желдорпути. В 1945 году в качестве репатриированного прибыл в Челябинск, работал на ТЭЦ ЧМЗ. Окончил 10

6

классов школы рабочей молодежи, затем школу мастеров, вступил в партию. Ныне является отцом трех детей и дедом трех внуков.

К. А. Кулиш, 1925 года рождения, в 1940 году окончил ремесленное училище в Харькове. Подростком работал на заводе. В 1941 году изготавливал снаряды, танкисты прямо с конвейера забирали их и шли в бой. С группой пленных оккупанты увезли его в Ганновер, где использовали на земляных и бетонных работах, подгоняли дубинками. Кормили один раз в сутки баландой и хлебом со жмыхом, который хрустел на зубах. «11 апреля 1945 года мы проснулись, смотрим — никого нет, — рассказывал он. — Лагерные ворота открылись, в них входят американцы. Идут к нам, а мы пятимся от них. Один американец на пальцах объясняет: не бойтесь, мол; достает фляжку и угощает всех спиртом. Союзники нас хорошо кормили и разрешали делать все, что угодно. Мы вышли в город, поймали лагерного фюрера, подняли его и прикончили об асфальт». В Челябинске Кирилл Андреевич работал токарем на ЧМЗ, окончил техникум. Перед выходом на пенсию работал нормировщиком. Теперь его богатство — два сына и четыре внука.

Возглавляет отделение организации малолетних узников фашистских лагерей Metallургического района бывший бригадир ЭСПЦ-3 ЧМЗ И. Д. Воскобойник. Несмотря на 77-летний возраст, он энергичен, сохраняет твердую походку и спортивную выправку. Глядя на его внешний вид, можно подумать, что у него была благополучная жизнь. Но в беседе с ним выяснилось, какие невероятные трудности и лишения пришлось пережить ему за эти три четверти века. Родился он в 1927 году в Полтавской области. В сентябре 1941 года въехали в их село немцы, установили свою администрацию и назначили старосту. Дважды удавалось И. Д. Воскобойнику избежать отправку в Германию, но в 1943 году он попал в облаву и был доставлен в город Бремен, где использовался на ремонтно-восстановительных работах. Надсмотрщик выбил палкой ему два зуба, а при подъеме искореженных рельс И. Д. Воскобойник надорвался.

После освобождения американские агитаторы уговаривали его не возвращаться в СССР, обещали райскую жизнь в США или Канаде, но он стремился только домой, на родину. В Гродеково его включили в репатриационный батальон капитана Шушарина, в котором таким, как он, бывшим узникам, предстояла служба в Красной Армии. Он искренне этому радовался. Но потребовались рабочие руки на восстановление разрушенного войной хозяйства. Так И. Д. Воскобойник оказался на ЧМЗ. Жил в землянке тридцатого жилпоселка. Вскоре при ЧМЗ открылась вечерняя школа.

Желающих учиться оказалось много, поэтому для поступления в 6-й класс устроили конкурсные экзамены. Несмотря на успешную сдачу их, репатриированные ребята в школу почему-то не попали. И. Д. Воскобойник не сдавался, поступил учиться в следующем году. Окончил 7 классов, затем школу мастеров. В цехе числился передовиком производства, активистом-общественником. Здесь на заводе встретил девушку, и жизнь его наполнилась новым смыслом и содержанием. Но однажды девушка пришла к нему заплаканная и сообщила, что родители не разрешают ей встречаться с парнем-репатриантом. Это была их последняя встреча. Вскоре девушка вышла замуж. Женился и И. Д. Воскобойник. Но семейное счастье для него оказалось коротким. Жена умерла, оставив ему сына и дочь девяти и четырех лет. Пережив эту утрату, он женился повторно на Анне Афанасьевне, работавшей в РК КПСС. «Прекрасная, душевная была женщина, если бы не она, не поднял бы я детей, царство ей небесное», — с глубокой скорбью вспоминает о ней Иван Данилович, и на глазах его блестят слезы. Анны Афанасьевны уже тоже нет. Но остались сын и дочь, оба окончили институты и уверенно шагают по жизни. Подрастают четыре внука — гордость и радость Ивана Даниловича.

У всех его товарищей — бывших узников фашистских лагерей — судьбы схожие. Сегодня их объединяет стремление быть вместе, состоять в одной организации, помогая

друг другу, так как они лучше других знают, что в нынешнее время свои права гораздо легче отстаивать сообща, а один в поле не воин.

ГОДЫ, КОТОРЫЕ НЕВОЗМОЖНО ЗАБЫТЬ

Почему совсем недавно картошка в магазине 8 копеек стоила? Да потому, что жители города дружно помогали селянам. Часто выезжали на полевые работы и челябметаллургстроевцы. Однажды убрали они картофель в совхозе Солнечном. Нужно сразу отметить, что несколько человек среди них работали без желания, спустя рукава, но в целом же коллектив работал хорошо, особенно аккуратностью отличался проектно-конструкторский отдел во главе с Львом Александровичем Мокровым. Во время перерыва, за вкусным полевым обедом (совхоз «Солнечный» всегда готовил отличные горячие обеды своим помощникам) зашел разговор о войне, о ветеранах войны, которых становится все меньше и меньше, и сегодня на уборке картофеля уже нет никого, кто видел бы войну своими глазами... «Я видел войну от первого до последнего дня», — неожиданно признался Л. А. Мокров, и взгляды всех устремились сразу к нему.

Оказывается, 22 июня 1941 года пятилетний Лев Мокров вместе с двумя своими сестренками и родителями жил вблизи границы в районе Бреста и хорошо помнил этот день, тревогу, бомбежку и канонаду, принятую вначале за громовые раскаты. Его отец, офицер Красной Армии, вбежал в дом и срочно отправил свою семью в подвал со словами: «Ждите, я пришлю за вами машину». Но вместо машины пришли немцы. Эсэсовцы с собаками затолкали их в холодный товарный вагон, с затянутыми колючей проволокой окнами. Привезли в город Кельн, высадили на бирже труда, каждому на грудь повесили номерной знак. Сытые, надменные немецкие господа, как на невольничьем рынке, выбирали себе работников помоложе, покрепче, и никому не нужна была женщина с тремя детьми. Но мать Льва, Антонина Николаевна, хорошо владела немецким языком, и это помогло ей и ее детям.

Вспоминать о пережитом нелегко, и Лев Александрович не был расположен к многословию. Но когда его спросили: «Были ли в Германии среди русских пленных ваши сверстники?» — он рассказал такую историю:

«Далеко на западе, за двумя рядами колючей проволоки в концлагере, близ Кельна, был у меня восьмилетний друг Борька, мой ровесник. Тогда все чаще над лагерем стали появляться самолеты союзников. И хотя безразлично было, от чьей бомбы погибать, Борька радовался прилету самолетов, следил за ними, подняв голову, и всем своим существом стремился к ним, как бы просил их: «Да заберите же меня отсюда».

Вообще союзники бараки с пленными рабочими не бомбили. Но в тот день возле нашего барака остановился грузовой поезд. И самолеты спикировали на него. Услышав визг падающей бомбы, я побежал по коридору. И вдруг перед моими глазами образовалось черное пятно. Очнулся, засыпанный обломками, услышал зов матери, она искала меня. Потом я чувствовал, что меня раскапывают, берут на руки, а когда окончательно пришел в себя и поднял голову, то первое, что увидел, это полуразрушенный наш барак, а по его крыше кто-то ходит и что-то пытается спустить на землю. Позднее я узнал, что это сын снимал заброшенные взрывом на крышу останки своей матери-старушки.

Бомба попала в ту часть барака, где жил Борька. От него ничего не нашли».

В конце войны немцы спешно эвакуировали лагерь. В охране лагеря что-то не ладилось. Воспользовавшись этим, Мокровы сумели бежать. Ночь просидели в водосточной трубе. А утром увидели над поляной низко летящий самолет с белыми звездами на крыльях, а по шоссе — двигающуюся колонну американских танков.

8

На этом мытарства Льва Мокрова не закончились, он еще раз попал под бомбежку, на этот раз немецких самолетов, был ранен в голову. «Последнее, что промелькнуло тогда перед моими глазами,- вспоминал Лев,- это горящие железнодорожные вагоны и человек, бегущий вдоль них, с портфелем в руках. И вдруг какой-то чудовищной силы удар сшибает с него голову, а он без головы еще делает несколько шагов и только потом падает». Очнулся Л.А. Мокров в Американском полевом госпитале, после того как врачи сделали ему серьезную операцию. Упакованного в бинты, американцы передали его матери, помогли переправиться по понтонному мосту через Эльбу в зону Советских войск.

А далее по железной дороге добрались они до Подмосковья, где жила их бабушка, здесь и узнали, почему тогда их отец не прислал за ними машину. Отца ранило осколком, в бессознательном состоянии его подобрала случайно проезжавшая машина. И еще они узнали о том, что их отец, капитан Мокров, жив, здоров, продолжает нести службу в Челябинском танковом училище. Вскоре вся семья Мокровых была вместе. Но не скоро

Лев и его сестренки освободились от пережитого. «Загремит ли гром, появится ли над крышами домов самолет, — вспоминал Лев Александрович, — среди всех детей радостное оживление, а для нас тревога. Лет пять снились мне кошмарные сны».

Прошли годы. Время залечило раны. Лев Александрович стал главой большого семейства, у него хорошая любящая жена, две дочери, сын и три внука. Он по-прежнему много работает и с теплотой вспоминает о том добром времени, когда коллектив «Челябметаллургстроя» дружно выезжал «на картошку».

КАК КОШМАРНЫЙ СОН

«Мы двигались по дороге в Киев в толпе сельских жителей, женщин, детей, стариков и старушек. Одни из них шли в город с надеждой что-то продать, другие – что-то приобрести. Моего отца искали гестаповцы, и мы таким образом пытались затеряться среди людей. Я держался за руку матери. Отец нес на руках моего младшего брата. Немцы допускали в то время такие передвижения. Но на этот раз в городе раздались тревожные крики, команды, появились солдаты в железных касках и погнали толпу в сторону вокзала. Перед вокзалом людей разделили. Мужчин увели вправо, женщин – влево, а детей – прямо. Мы с братом оказались среди своих сверстников, грязных и оборванных. Никто не плакал. Все знали, что плакать бесполезно.

Задержанных детей посадили в товарные вагоны, привезли в город Овруч и поместили за колючую проволоку, где нам пришлось жить на открытом воздухе. Спали в ямках, прижавшись друг к другу, под покрывалом звездного неба. Примерно раз в неделю всех детей собирали у единственного в лагере домика, выстраивали по группам крови и по очереди брали у детей кровь для раненых немецких солдат. Раз в несколько дней приезжала трехколесная самосвальная автомашинка и переваливала через колючую проволоку наш обед — свеклу или брюкву, по одной штуке на каждого юного пленника. Ослабевших детей, которые сами не могли подниматься с земли, и тех, у кого кровь поступала плохо, куда-то увозили.

Мне запомнились немцы черные (эсэсовцы), как более добрые, и немцы зеленые, охранявшие лагерь, как более злые. Когда мой брат уже не мог сам получать свеклу, я подходил к более «доброму» немцу и просил: «Гросфатэр (дедушка), разрешите взять две свеклы для брата», и он разрешал.

Осенью, когда по ночам стало холодно, нас вновь погрузили в вагоны и куда-то повезли. Но впереди, недалеко от города Бреста, партизаны взорвали железнодорожный

мост. Образовалась пробка на железной дороге. Началась неразбериха. Немцам, вероятно, потребовались вагоны, и ночью они нас выгнали на все четыре стороны.

9

Разбившись на группы, мы побрели неизвестно куда. Долго шли по степи на мерцающий вдали огонек. Вышли к деревне Легаты. Староста дядя Степан, подробно расспросив кто мы и откуда, разместил нас в деревенских семьях. Жили мы там месяца три до прихода Красной Армии. Потом нас отвезли в Евпаторию в лагерь «Поиск», куда собирали детей, потерявших родителей. Там и нашла нас мать. В конце войны вернулся отец. Мы вновь собрались все вместе, радовались, что остались живы, и как кошмарный сон вспоминали прожитые годы».

Автор этих воспоминаний – преподаватель, ветеран Челябинского профессионального училища № 20 Порфирий Порфирьевич Шурман. Он хорошо знает цену жизни и считает, что если хочешь жить в мире, надо готовиться к войне. И поэтому много времени уделяет патриотическому воспитанию своих учеников. Его питомцы неоднократно выходили победителями в военно-спортивных играх и смотрах песни и строя, проводимых в Ленинском районе Челябинска и области, а в 1984 году завоевали призовое место в СССР. В настоящее время они готовятся к новым, еще более ответственным, стартам.

ПАМЯТЬ

Наверное, в каждом трудовом коллективе найдется работник, который пользуется особым уважением и авторитетом, способный даже в неблагоприятный момент вселить в товарищей уверенность, надежду, поддержать настроение веселой шуткой, помочь и словом и делом. В «Агропромстрое» таким работником являлся главный энергетик Евгений Юлианович Василевский. Наблюдая за его работой, нельзя отделаться от мысли, что все у него складывается отлично, и в жизни его никогда не было ни сучка, ни задоринки. Но однажды накануне, 50-летия Победы, находясь под впечатлением воспоминаний о войне, в разговоре он вдруг спросил:

- Ты видел когда-нибудь повешенных?

- Нет.

- А я видел. Вот, примерно, на расстоянии, как до того дома, и он показал на здание на противоположной стороне улицы.

- А где и кто это были?

- В оккупации. Один председатель рабочкома, а двое других партийные работники. Для устрашения населения они висели всю зиму и только к весне их сняли. Мне было пять лет, — продолжал он, — когда началась война. Я хорошо помню тревогу и спешность эвакуации, суету на железнодорожном вокзале в Киеве и последнюю встречу с отцом, он уже был в военной форме, на его петлицах красовались какие-то знаки. Отец усадил нас — мать, меня и сестренку — в «теплушку» и долго бежал, махая рукой, за отходящим от перрона поездом. Мы ехали в Днепропетровск, а в Верховцево нас уже встречали немцы. Нетрудно представить, в какой оказались мы ситуации. Голод, холод, издевательства испытали в полном объеме.

Как-то летом, три дня ничего неевший, я приблизился к стоящей на окраине села немецкой полевой кухне. Повар, засыпав в кипящий котел полмешка концентрата киселя, остаток отложил в сторону и стал мешать в котле черпаком. Я подкрался сзади, схватил мешок и — бежать. Повар увидел, а рядом с ним стояла винтовка, он вскинул ее, я услышал щелчок затвора и выстрел... Промох! По картофельной меже я проскочил до края огорода и скрылся в кукурузе. Спрятав добычу, вернулся в село и увидел возле матери двух немецких солдат с автоматами. Думая, что из-за меня сейчас мать расстреляют, с криком «Мама!» бросился к ней. Но все обошлось. А мешок с киселем, спрятанный в кукурузе, я потом притащил, и он был нам очень кстати.

Более двух лет длилась оккупация. Не намного стало легче и после войны. Отец погиб на фронте. А у моих сверстников отцы вернулись. Израненные, искалеченные, но вернулись. Они, а следовательно и их семьи, получали дополнительные пайки, позднее — талоны на дефицитные товары, разные льготы, а мы — ничего», — и в словах никогда неунывающего Евгения Юлиановича прозвучала обида. И не без основания. Действительно, взять хотя бы 50-летие Победы. Каждому ветерану накануне праздника вручены юбилейные медали, которые позднее станут семейной реликвией и будут передаваться от отца к сыну, от сына к внуку как память о предке — солдате Отечественной. От погибшего же на фронте солдата не останется ничего.

- Как «ничего»? А «Книга памяти»?

Но при первом же ознакомлении с «Книгой памяти», изданной в Челябинске, выяснилось, что в нее вошли лишь те погибшие фронтовики, на которых сохранились в архивах документы. На других, невключенных в книгу, хлопочут родственники, предоставляя недостающие справки и письма с фронта. Готовятся к изданию дополнительные тома «Книги памяти». А многие без вести пропавшие на фронте красноармейцы, у которых не было своих семей, а их родители уже умерли, оказались пропавшими без вести повторно, на этот раз из памяти народной, на этот раз навсегда.

«Мы же — поколение войны, — завершая свой рассказ, сказал Е. Ю. Василевский, — будем помнить их до последних своих дней и память о них унесем с собою».

ДЕТСТВО В ОККУПАЦИИ

Наше маленькое белорусское село Толстыки с аккуратными прямыми улочками располагалось в живописном месте на берегу реки Березина. Главной достопримечательностью села была большая ветряная мельница, когда она работала, то издали казалось, что какая-то огромная сказочная птица машет своими крылами, а вокруг мельницы скапливалось множество крестьянских подвод, груженных мешками. Почва в тех краях песчаная, поэтому в селе всегда было чисто и уютно. В тот ясный жаркий день мы, сельские ребята, искупавшись в реке, играли на песке. И вдруг увидели над селом несколько самолетов, они выделывали в воздухе непонятные фигуры, словно гонялись друг за другом. Это шел воздушный бой. На голубом фоне неба вспыхнули два белых купола парашютов. Один из самолетов атаковал парашюты, и купола исчезли. В этот день мы впервые услышали злое слово «война». Прибежали домой. Наш отец, Степан Артемович, сидел за столом, опустив голову, и сосредоточенно о чем-то думал. После смерти матери он оставался для меня и двух моих братьев единственной опорой. Он был неграмотным, но в колхозе пользовался всеобщим уважением и считался мастером на все руки.

– Собирайтесь, – сказал он нам, – пойдем в райвоенкомат, я уезжаю на фронт.

Мы шли по лесной тропинке, отец с вещмешком, мы с узелками. На лугу увидели сбитый двухмоторный самолет, лежащий вверх колесами. Вокруг него ходили селяне и удивлялись: «Да как же это так, такая тяжелая железяка, а летает?» Я шел, держась за руку отца, а в душе моей нарастала тревога, вот уйдет отец на войну, как же мы будем без него? Мне тогда было 6 лет, Коле – 9 и Феде – 12.

В военкомате комиссар накричал на отца:

– В селе столько баб незамужних, даю тебе ровно неделю, чтобы женился и устроил детей!

Мы возвратились обратно. Отец стал искать нам мачеху. Но неожиданно в село ворвалась колонна немецких мотоциклистов. Все ждали оккупантов с запада, из села Отрубы, а они заявили со стороны Калиновки, с востока. Согнали все население к колхозной конторе. Мы с Колей спрятались на печке, а Федя оказался в толпе односельчан и стоял, прижавшись к отцу. В первую очередь немцы выявили коммунистов, они боялись организующей силы партийцев, поэтому построили их, отвели к оврагу и расстреляли. Из

оставшегося населения выбрали местную власть и полицию. Сделав свое черное дело, оккупанты уехали. Возвратившись домой, Федя с дрожью в голосе рассказывал нам, как наш родной дядя оказался среди расстрелянных. А когда их закапывали, он пришел в себя и, истекая кровью, пытался скрыться. Но назначенный полицаем односельчанин Федот догнал его.

– Федот, – умолял его дядя, – отпусти меня, я тебе корову отдам.

Но Федот толкнул дядю в ров и его закопали живым.

Представители новой власти несколько раз приходили к отцу с предложением служить в полиции, обещали за это щедрый продуктовый паек. Отец отказался. В отместку полицаи увели с нашего двора последнюю корову. Однажды ночью я проснулся от какого-то шороха в соседней комнате. Посмотрел через открытую дверь, увидел отца и двух вооруженных людей. Это были партизаны. Они приносили отцу ремонтировать свою обувь и получали от него информацию о состоянии дел в селе. В следующую ночь мы проснулись от винтовочных выстрелов и треска пулеметных очередей. Отец скомандовал нам лечь на пол. Это партизаны просочились в село, напали на полицаев и многих из них перебили. К утру один смертельно раненный полицай ломился к нам в окно. Но отец запретил его впускать. Обессиленный полицай упал на спину, почему-то два раза ударился затылком о землю и затих. Утром над селом появился немецкий самолет-разведчик, а следом за ним самолеты, похожие на наших «кукурузников». Они разбомбили ветряную мельницу и стали сбрасывать зажигательные бомбы на жилые дома. Никто не знал, что гасить такие бомбы можно только песком. Начались пожары. Селян, пытавшихся спасти свои горящие дома, немцы расстреливали с воздуха. После первого налета отец сказал, что самолеты наверняка прилетят еще раз и отослал нас в лес под прикрытие деревьев. А сам, оставшись дома, один боролся с пожаром. Самолеты прилетали еще несколько раз, но отец сумел отстоять от огня наш и соседский дома. Все остальные дома в селе немцы сожгли. Страшно было видеть обуглившиеся остатки строений, закопченные печи на месте бывших домов и погорельцев, роющихся на пепелищах.

После прихода Красной армии отец оставил нас с мачехой и ушел на фронт. Освобождал города и села Белоруссии, Украины, дошел до Варшавы. После победы вернулся домой целым и невредимым. Мы, малыши, были безумно рады встрече с отцом после долгой разлуки, обнимали его, висели у него на шее, рассматривали украшавшие его гимнастерку медали: «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией». На улице ярко светило солнце, с реки доносились веселые, восторженные крики ребятишек, а на сияющей голубизне небес не было ни одного облачка. Под мирным

небом село наше быстро залечивало нанесенные войной раны. Оставшихся в живых полицаев судили, каждому определили срок в 10 лет и еще 5 лет высылки. Главный же полицай Федот куда-то исчез. Позднее в период разгула демократии, когда бывшие полицаи стали поднимать головы, выяснилось, что Федот отступил с немцами, сдался в плен американцам, безбедно живет в Австралии и совесть его не мучает за содеянное.»

Так рассказывал о своей жизни в оккупации ветеран труда Савостеенко Михаил Степанович. После окончания Магнитогорского индустриально-педагогического техникума он приехал в Челябинск на всесоюзную ударную комсомольскую стройку ЧМЗ, где значился, как и его отец, мастером на все руки. К своему делу он относился творчески. Часто после работы в молодежном общежитии вместе со своими друзьями инженером Гипромеца Валерием Клыниным и прорабом Уралстальконструкции Яковом Иоффе он продолжал обсуждать производственные вопросы, искать на них оптимальные решения. На его счету значилось более 200 рацпредложений.

Каждый год М. С. Савостеенко проводил свой отпуск в родительском доме родного села Толстыки, где отдыхал душой и, словно прикоснувшись к родной земле, набирался новых сил и вдохновений для дальнейшей работы. Сейчас он вместе со своей верной подругой Ниной Александровной воспитывает внуков и очень тоскует по своей далекой малой родине. Получилось так, что реформаторы настолько унизили ветеранов труда мизерными пенсиями, что старики потеряли возможность передвигаться по своей собственной стране, посещать родственников и могилы своих предков. Спасибо президенту Белоруссии А. Г. Лукашенко, он не стал проводить приватизацию по Чубайсу, сохранил в Белоруссии большую часть государственной собственности, а вместе с ней все то, что было достигнуто народом при советской власти, и оставил надежды на то, что Россия когда-то оценит и использует у себя опыт братской Белоруссии. И тогда все мы вновь вздохнем с облегчением, как после освобождения от оккупации в 1945 году.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПОЧТАЛЬОН

Было время, когда мы на почтовый конверт наклеивали марку достоинством всего 4 копейки. К праздникам отправляли своим родным и знакомым пачки писем и столько же получали от них поздравлений по почте. Почтовая связь соединяла и сближала людей, проживающих в разных регионах страны, от Владивостока до берегов Балтики, и тем самым крепила единство России. В сороковые годы было достаточно свернуть письмо в треугольник, приклеить марку и письмо обязательно находило своего адресата.

Солдатские письма путешествовали по стране вообще без марок. У коллекционера города Верхнеуральска храниться письмо, присланное ему из города Сочи в 1961 году.

Отправитель этого письма сорвал с дерева зеленый листок, написал на нем адрес, а на обороте текст: «Мыс Видный – курорт незавидный, а уральские ночи прекрасней, чем Сочи», приклеил марку в 4 копейки, опустил в почтовый ящик, и письмо без проблем дошло до адресата. В СССР почта работала, как часы, почтальон всегда был желанной персоной и в больших, и маленьких домах, а дети любили декламировать стихи: «Это он, это он ленинградский почтальон». И это не случайно, ведь в Петербурге начиналась история Российской почты. Даже в годы Великой Отечественной войны почта бесперебойно работала в блокадном Ленинграде. Одна из Ленинградских почтальонов Александра Емельяновна Зырянова, ныне проживающая в Челябинске, в канун праздника 8 марта, когда зашла речь о современной дороговизне поздравлений по почте, поделилась своими воспоминаниями:

«Когда началась война, меня 18-летнюю девчонку направили рыть окопы, а через месяц, наверное, потому, что ростом я была один метр 52 сантиметра, и землекоп из меня получился неважный, меня перевели в 164-е почтовое отделение работать почтальоном. Вскоре сомкнулось вражеское кольцо вокруг Ленинграда. Город подвергался постоянным бомбежкам и артиллерийским обстрелам. Над городом повисли заградительные аэростаты. Корабли, стоявшие на Неве, и зенитные орудия на стрелке Васильевского острова непрерывно отбивали авианалеты врага. В городе в различных районах начались пожары. Бадаевские, Калашниковские склады и американские горки на Петроградской стороне горели так, что ночью иголку найти можно было. Пронзительные гудки тревоги извещали население города о приближающихся самолетах противника. Под каждым домом были оборудованы бомбоубежища. Но я не спускалась в них, решив уж если погибать, так лучше у себя дома. Однажды ночью бомба взорвалась где-то рядом. Наш дом №5 на Университетской набережной так трянуло, что меня выбросило из своей кровати. Смотрю, а стекла в окнах нашей квартиры все целые, ни одно не разбилось. За окном с баржи, стоявшей на Неве, моряки вели огонь по самолетам противника. Лучи

13

прожекторов, пересекаясь, ловили врага на небосводе. Утром я иду с почтовой сумкой по улице и вдруг из-за крыш домов с треском «вынырнул» немецкий самолет и обсыпал меня листовками, призывающими сдаваться в плен. «Эх, как жаль, что не сбросил он хотя бы маленький кусочек хлеба,- промелькнула у меня мысль. – Да уж лучше листовки, чем бомба»,- подумала я потом.

Нам, работающим, выдавали по 400 граммов хлеба на день, а когда прорвали блокаду стали выдавать, по 600 граммов. Не все могли в таких условиях выжить. От голода умерли мой папа, брат и сестра. Как-то я делала выемку писем из уличного почтового ящика, и в это время кто-то с верхних этажей дома выбросил из окна труп умершего человека, вероятно, не имея сил похоронить его по-человечески. В 164-м почтовом отделении вначале было 6 почтальонов, четверо вскоре умерли. Нас, оставшихся, объединили с почтой №50. Мне, как и прежде, поручили обслуживать участок, включающий весь Васильевский остров от госуниверситета до Смоленского кладбища и до Декабристского кладбища в районе гавани. Наш начальник, Павел Иванович, почтальон с дореволюционным стажем, чтобы не путать номера квартир в подъездах в темное время суток, обеспечил нас фонариками. Но меня встретили в безлюдном переулке ребята-хулиганы и отобрали этот фонарик.

Разносила я почту по предприятиям: на завод, в папиросную и табачную фабрики, библиотеки в различные учреждения, всюду пропуском для входа в них была моя толстая почтовая сумка на ремне. В сумке было три отделения для газет и писем. Газеты «Правда», «Ленинградская Правда», «Комсомольская правда» и, если память мне не изменяет, газета «Известия» выходили в Ленинграде почти каждый день. Писем вначале было мало, в основном, переписывались жители города, приходили письма от ополченцев с передовой линии фронта, а также похоронки. А вот когда прорвали блокаду, писем стало много. Адресаты встречали меня с радостью, целовали, когда я приносила им добрые вести и совсем по-иному встречали, когда приносила им похоронки. Бывало и так, придя по указанному адресу, а дверь закрыта, почтовый ящик переполнен ранее присланными письмами. В таких случаях в мои обязанности входило нести эти письма домоуправу, а тот писал на конверте: «выехал» или «умер», расписывался и ставил печать, после чего я относила эти письма на главпочтамт.

Однажды я вошла в дом по улице Тучкова, как сейчас помню во второй подъезд на второй этаж, в это время разорвался снаряд, и меня засыпало обломками. Кто-то на улице видел, как я входила в подъезд, и сообщил собравшимся людям, что сюда почтальонка только что заходила. Я пришла в сознание, когда меня раскопали, по лицу текла кровь, переправили в больницу, а там наложили на голове швы, забинтовали. Оказывается, меня спасла моя почтальонная сумка, она каким-то образом прикрыла мне голову и смягчила удар. Мне тогда даже больничный лист не выдали. Так с забинтованной головой я продолжала разносить почту. И все пешком. Только после прорыва блокады пошли по городу трамваи.

Академия наук, музей Меньшикова и другие пустующие здания на Университетской набережной охраняли солдаты во главе со страшим сержантом Зыряновым Иваном Петровичем. Он был ранен под Сталинградом. А после лечения в госпитале его направили в Ленинград. Мы с ним познакомились, подружились, были молодыми и решили пожениться. После войны я приехала с ним в Казанцево, под Челябинск. Потом мы дом поострили в Першино, позднее дом продали и купили кооперативную полуторку. Вскоре муж умер, и я осталась одна. Сын и дочь живут отдельно. Посмотрю в окно, поплачу, люблю по радио слушать песни военных лет и сама, несмотря на 87 лет иногда пою эти песни. Раньше, когда была моложе, легко рассказывала о блокадном Ленинграде, теперь вспоминать стало очень трудно. Вот я поговорила с вами и теперь до утра уснуть не смогу. Хорошо что не забывает меня «Блокадное братство», оно было, есть и будет, ведь мы навсегда остались ленинградцами.

ЛЕНИНГАДСКОЕ БРАТСТВО

В годы Великой Отечественной войны из осажденного Ленинграда в Челябинск вместе с эвакуацией на площадку ЧТЗ знаменитого Кировского завода, прибыли специалисты разных рабочих и инженерно-технических профессий, которые сразу же включались в работу на заводах Танкограда. Среди ленинградских рабочих было немало подростков-выпускников ремесленных училищ. После окончания войны для многих из них Южный Урал стал второй родной, они не уехали из Челябинска, но в душе оставались ленинградцами. В 1988 году они образовали общественную организацию «Блокадное братство» с целью увековечивания памяти о городе-герое, а также о ратном и трудовом подвиге его жителей.

В настоящее время «Блокадное братство» в Челябинске сократилось до 305 человек, но оно по-прежнему является активным звеном городской ветеранской организации. При содействии «Блокадного братства» в Челябинских школах №115 и №153 созданы музеи. Бывшие блокадники желанные гости в школах. Учащиеся с большим интересом слушают рассказы свидетелей блокады Города – Героя и о судьбах блокадников. С впечатляющими воспоминаниями на эту тему выступила в канун 67-летия снятия блокады Ленинграда председатель правления «Блокадного братства» Л.А. Иванова.

«В Ленинграде мы жили на Крестовском острове,- вспоминала Людмила Алексеевна. – Мама работала на патронажной фабрике «Светоч», выпускавшей тетрадки, елочные игрушки и другую продукцию. Когда началась война, маму направили на передовую линию обороны рыть окопы, я ходила вместе с ней. Однажды налетели немецкие

самолеты и забросали работающих ленинградцев бомбами. Загудела земля от взрывов, потемнело вокруг от поднятой вверх взрывающей земли и пыли. Тех кто остался после бомбежки живыми, немецкие самолеты на бреющем полете расстреливали из пулеметов. Мама тогда закрыла меня собой, чтобы я ничего не видела. После этого случая она сказала директору фабрики Алексеевой: «Больше с собою в окопы я свою дочь не возьму». Меня определили в детский дом, организованный при фабрике, располагался он в двухэтажном доме на Петроградской стороне. Детей в детдоме было человек сто. Из них сформировали младшую, среднюю и старшую группы. Я попала в старшую группу. Старшие дети закреплялись за младшими. И когда раздавался пронзительный гудок тревоги, я брала за руки своих подопечных из младшей группы, и мы организованно спускались в бомбоубежище.

Несмотря на блокаду города, первое полугодие 1941 года мы еще учились в школе, а в следующем учебном году еще полгода учились. Помню урок географии, учительницу за столом, а на ее столе блюдечко с винегретом. Всем ученикам, кто отвечал домашнее задание, она давала чайную ложечку винегрета. Где она брала винегрет, мы не знали.

Разразившийся в Ленинграде голод вывел из строя работников фабрики. Обессиленными они уже не могли ходить на работ. И вот здесь Алексеева совершила настоящий гражданский подвиг. Она достала из подвала мешок с крахмалом. Разложила крахмал в пакетики по 300 граммов в каждый. И дала задание мне и маме разнести пять пакетиков по указанным адресам, вручить их лежащим сотрудникам фабрики. Чтобы заварив крахмал кипятком, они немного им подкрепились и пришли на фабрику. Кисель из этого крахмала получался солоноватым, но мне казалось тогда, что ничего вкуснее его не может быть на белом свете. Те сотрудники, которые подкрепившись этим киселем, пришли на фабрику, Алексеева выдала им тоже по пять пакетиков с заданием разнести их уже по другим адресам и вручить умирающим от голода сотрудникам. И так Алексеева подняла 50 своих сотрудников и устроила при фабрике что-то вроде стационара. Обессиленных от голода рабочих и служащих приводили под руки. Мыли их теплой водой. Утром давали им какую-то кашу, по маленькому кусочку масла и сахара. Где Алексеева брала эти продукты, я тоже не знаю, но она спасла от голодной смерти многих своих сотрудников.

Чтобы получить свою порцию хлеба, приходилось по три часа в магазине стоять в очереди. Продавец нарезала хлеб маленькими кусочками, ложила на весы, сметала с прилавка крошки и тоже ложила их на весы. Однажды, стоявший в очереди мальчик Вова, мой ровесник, не выдержал, схватил довесок со стола, быстро засунул его себе в рот,

присел на пол, прижавшись к прилавку, и закрыл голову руками. Он думал, что его сейчас будут бить. Но люди, молча, стояли и глядели на Вову, кто-то из них плакал.

Голод делал свое черное дело. В 1943 году по дороге домой моей маме стало плохо. Она опустилась на мостовую, лежала совсем обессилившая. И говорила мне: «Доченька, я умираю. Постарайся добраться до Челябинска, там живет моя сестра Антонина, передай ей мою просьбу, чтоб она помогла тебе выжить. С криком: «Мама умирает!» - я побежала в ближайшую аптеку. Старичок аптекарь вынес мне пузырек с постным маслом и сказал: «Влей в рот маме это масло и оно поможет твоей маме. Но смотри сама это масло не съешь». И правда, масло это маме помогло, она еще немного полежала, а потом встала, и мы пошли дальше. Вскоре после этого случая нас эвакуировали через Ладогу на «большую землю». На маленьком буксирном теплоходе, палуба которого была сплошь забита детьми и женщинами, мы пересекали Ладожское озеро. Невозможно забыть те страшные мгновенья, пронзительный ветер, качка и куда не посмотришь всюду хмурые воды Ладоги. Несколько раз атаковали нас немецкие самолеты, они обстреливали нас из пулеметов. Капитан стремился уклониться от их атак, маневрировал. А за бортом, словно во время дождя, поднимались над поверхностью озера фонтанчики воды от вражеских пуль и осколков. Нам удалось достичь противоположного берега, но сойти на причал у многих уже не хватало сил. Матросы на руках переносили нас на берег. С тех пор я боюсь садиться даже в лодку.

На берегу нас осмотрели врачи. На каждую семью выделили по солдатскому котелку каши, по полбуханки хлеба и горячего чая, но предупредили, что из голода нужно выходить постепенно, не переедать, иначе можно сильно заболеть. А затем в теплушках по железной дороге мы полтора месяца мы ехали в Челябинск».

В Челябинске Л.А. Иванова училась в школе №18, окончила Машиностроительный техникум, работала на ЧТЗ, избиралась комсоргом цеха, а после окончания высшей школы профдвижения, до выхода на пенсию, находилась на профсоюзной работе, Начавшаяся в стране перестройка, побудила «Блокадное братство» изменить направление работы и уделять больше внимания социальной защите пожилых людей. «Сейчас главное у нас, - говорит Людмила Алексеевна, - дойти до каждого. Все свои вопросы мы решаем коллегиально, работаем безвозмездно. Медики в настоящее время порой, относятся к пожилым людям спустя рукава, поэтому нам самим приходится помогать друг другу. Но это не мешает нам работать с молодежью. Мы стремимся дойти до каждого молодого человека, пояснить ему, что не Петербург, а Ленинград находился в блокаде. Что у нашей молодежи есть, чем гордиться, и быть патриотами своей Родины - Великой России. А Родину свою нужно уметь защищать, как защищали ее наши отцы и деды».

ЛЕНИНГРАДЦЫ

После того, как в сентябре 1941 года сомкнулось вражеское кольцо вокруг Ленинграда, единственной транспортной магистралью, связывающей город с тыловыми районами страны, стала «Дорога жизни», проложенная через Ладожское озеро. За дни блокады по этой дороге с сентября 1941 года по ноябрь 1943 года удалось эвакуировать 1 миллион 376 тысяч ленинградцев, в основном женщин, детей и стариков. Война разбросала их по разным уголкам Союза, по-разному сложились их судьбы, многие не вернулись обратно.

Вспоминая об этих невыносимо тяжелых днях, бывшая ленинградка Кена Петровна Черная не могла сдержать слезы. «Мне было всего четыре года, — говорила она, — когда началась война, я помню, как пыталась спрятаться под столом во время артобстрелов и бомбежек и ждала маму, а мама приходила и говорила: «Хлеба нет, машину с хлебом разбомбили». И так каждый день. А в апреле 1942 года нам объявили эвакуацию на «Большую землю». Все проходило строго по законам военного времени. Нас сопровождали люди с оружием. Не допускалась никакая демократия. С собой не разрешалось брать никаких вещей, кроме кружки, ложки и документов.

По льду Ладожского озера мы ехали в кузове грузовой автомашины. Вокруг, куда не помотришь, до самого горизонта простирались снежные поля. Сильный ветер с мокрыми хлопьями снега пронизывал почти насквозь. Мы — дети прижимались к родителям, так было чуть - чуть теплее.

Затем ехали на поезде в товарных вагонах, спали на нарах, на соломе. Питались чем придется, жмых считался деликатесом. Иногда удавалось раздобыть дрова и тогда топили печку, но тепла хватало ненадолго. Я заболела. А по правилам движения заболевших, чтобы не распространять инфекцию, переводили в вагон-лазарет. Мама надела мне чулки, капор и понесла в этот вагон. Я помню ее дыхание, она дышала на меня, пытаясь передать мне свое тепло, чтоб я не умерла.

Вагон-лазарет оказался обыкновенным товарным вагоном, посреди которого зияло отверстие для нужд, а на соломе лежали умирающие люди. «Нет! Я не оставлю ее здесь», — сказала мама и вернулась на свое место, села у вагонной двери и всю дорогу держала меня на руках.

Недалеко от Тюмени ленинградцев выгрузили. Все мы думали, что здесь дождемся конца войны и поедem обратно домой. Весна вступала в свои права, оживала природа, появилась первая зелень, в том числе крапива и лебеда, которую мы тогда употребляли в пищу. А потом пришел пароход-колесник с длинной почерневшей трубой. Всех

ленинградцев погрузили на пароход и повезли на север по течению реки Иртыш. На каждой пристани строго по списку высаживали группу эвакуированных на временное поселение. Нас человек 30 высадили под Ханты-Мансийском, на диком берегу, где стояла единственная избушка бакенщика, а вдали виднелось село. Нас поселили в церкви этого села. Некоторое время жили среди икон, спали на соломе, что-то жгли, чтобы разогнать комаров. Когда спала большая вода, нашу группу рассредоточили по деревням, родители начали работать, стало намного легче.

В 1946 году мы, наконец-то, возвращались на родину. Чем ближе поезд подходил к Ленинграду, тем чаще встречались следы войны. На остановках мы бегали смотреть на зловеще торчащие из земли стабилизаторы неразорвавшихся авиабомб. Из вагонного окна видели много работающих пленных немцев.

В Ленинграде предстала перед нами удручающая картина: земля разрыта, здания разрушены, всюду нагромождения, котлованы, воронки, на улицах много военной техники. Несмотря на американскую помощь, яичный порошок и тушенку, ленинградцы по-прежнему не доедали. И мы решили возвратиться в Ханты-Мансийск. Там я окончила школу и, решив стать строителем, уехала учиться в Магнитогорск.

В 1975 году, уже работая в «Челябметаллургстрой», мне удалось побывать на своей родине. Когда вступила на ленинградскую землю, я чуть не запела от радости. Я не шла, а почти летела к родным местам. Все прошла и прощупала. Захожу в дом к родственнице, с которой вместе были в эвакуации, спрашиваю:

- Есть ли здесь кто-нибудь живой? А она мне из соседней комнаты говорит:

- Кена, проходи.

Надо же, не виделись 28 лет, а она меня по голосу узнала».

В объединении «Челябметаллургстрой» К.П. Черная возглавляла один из важнейших отделов, сметно-договорной. Она и сейчас продолжает работать в полную силу. С гордостью носит на груди «Знак жителю блокадного Ленинграда», активно участвует в работе Челябинского блокадного братства, объединяющего около 500 ленинградцев, занесенных войной в Челябинск, ставший для них второй родиной.

- А как вы отнеслись к переименованию Ленинграда в Петербург? — спросили мы Кену Петровну.

- Мы в своем блокадном братстве никогда не произносим слово Петербург. Мало того, мы даже писали по поводу переименования протест, — ответила К.П. Черная и добавила, — мы были Ленинградцами и ими остаемся.

БОЙЦЫ ТАНКОГРАДА

Минут 30 стоял сплошной гул от разрывающихся бомб, хлопанья зениток, треска зенитных пулеметов и грохота рушившихся зданий. А затем все стихло. Сирена оповестила отбой воздушной тревоги. Рабочие цехов Ленинградского Кировского завода возвращались из укрытий на свои места и, не теряя время, приступали к выполнению каждый своего задания. Среди них выделялся серьезностью не по возрасту Вася Гусев. Всего год назад шестнадцатилетним пареньком прибыл он на завод и быстро освоил профессию токаря. Собирался продолжить учебу, но началась война, и в один из ноябрьских дней 1941 года ему вручили повестку, в которой говорилось: «К часу ночи явиться на Новодеревенский аэродром для эвакуации в тыл. При себе иметь лишь документы, деньги и туалетные принадлежности». А внизу приписка: за неявку — военный трибунал, расстрел.

Время было суровое, к таким припискам все давно привыкли, считали их как нечто само собой разумеющееся. На аэродроме уже были подготовлены к вылету пять двухмоторных самолетов, для переброски через линию фронта первой партии квалифицированных рабочих. Приняв на борт по 25 человек, они взлетели без сигнальных огней и взяли курс на восток. В кромешной ночи над Ладогой их встретили немецкие истребители. Завязался бой. Рабочие располагались вдоль бортов на сиденьях, похожих на скамейки, и держались руками за поручни. А в середине фюзеляжа, наверху, под колпаком, находился стрелок. Он непрерывно вел огонь, в темноте видно было, как отработанная лента его пулемета быстро опускалась в салон.

- Испытывали ли вы в тот момент страх? — спросили много лет спустя Василия Васильевича Гусева.

- Ну что вы, — ответил он, — мы в Ленинграде тогда столько насмотрелись... Мы там по трупам ходили. Так что страха в самолете не было. Но в Тихвине, где мы приземлились, выяснилось, что один из пяти самолетов оказался сбитым, и наша группа уменьшилась на 25 человек. Продолжая путь по железной дороге в теплушках, мы добирались до Челябинска почти целый месяц. Приехали в декабре. На улице трескучий мороз, а мы в кепочках, в полуботинках. Подумалось, скорей бы в цех, где тепло. Но в цехах и на территории тракторного завода только размещалось оборудование, эвакуированное с Ленинградского Кировского и Харьковского дизельного заводов, причем сразу же включалось в работу, иногда под открытым небом. Многим станочникам приходилось работать на морозе. Чтобы эмульсия в станках не замерзала, жгли костры. Люди размещались в семьях местных жителей. Заселили клуб, появились землянки и

палатки. Так рождался Танкоград, с конвейеров которого в начале войны ежедневно сходило по три танка, а в конце войны — по тридцать танков.

О создателях грозных машин — генералах Танкограда — В. В. Гусев рассказывает с особым уважением:

«В годы войны директором завода был И. М. Зальцман — талантливый организатор. На заводе он знал все до мелочей. Обход по цехам делал один, правда, при оружии, но без сопровождающих. В любое время мог оказаться в самой отдаленной точке завода и простецки поговорить с рабочими, получить от них нужную информацию. За создание новой техники он был награжден тремя орденами Ленина, орденами Суворова 1 степени, Кутузова I степени, Красной Звезды, двумя орденами Трудового Красного Знамени и удостоен звания Героя Социалистического Труда. На его плечах лежало не только огромное производство, но и вопросы быта. Когда в Челябинске появились первые военнопленные, он организовал их на строительство жилых домов, — так возник Киргородок, и с жильем стало легче. Являясь одновременно Наркомом танковой промышленности, он сосредоточил в своих руках большую власть и в личном плане мог бы иметь многое. Но после войны из Челябинска уезжал с одним чемоданом...»

«Вот такие были тогда руководители, — сделал отступление Василий Васильевич и продолжал: — Главным конструктором и заместителем Наркома танковой промышленности был доктор технических наук Ж. Я. Котин — жесткий, требовательный, но справедливый руководитель, ставший Героем Социалистического Труда в 1941 году. После войны он продолжал работу в Ленинграде в звании генерал-полковника, имел 12 орденов, из них четыре ордена Ленина.

Н. Л. Духов, трижды Герой Социалистического Труда, автор ряда конструкций тяжелых танков, был добрейшим человеком, ответственным и скромным. Проживал в маленькой комнатке. Когда появились возможности улучшить его жилищные условия, он сказал: «А зачем мне двухкомнатная квартира? Мне полуторки хватит». После войны он работал в оборонной промышленности. Стал членом-корреспондентом Академии Наук, лауреатом пяти Сталинских и одной Ленинской премий. Награжден семью орденами, в том числе четырьмя орденами Ленина. Имел звание генерал-лейтенанта.

И. Я. Траштуин — дважды Герой Социалистического Труда, Главный конструктор дизельных моторов большой мощности, которые устанавливались на всех тяжелых танках и на других боевых машинах. Награжден четырьмя орденами Ленина и орденом Красной Звезды. Лауреат Сталинской и Ленинской премий. Его бюст установлен в сквере детского парка в Тракторозаводском районе.

М. Ф. Балжи — заместитель главного конструктора, а после войны главный конструктор ЧТЗ. В годы войны награжден орденами Отечественной войны I и II степени, Трудового Красного Знамени и Красной Звезды. Доктор технических наук, профессор. Длительное время работал заведующим кафедрой «Гусеничных машин» Челябинского политехнического института.

П. К. Ворошилов, сын маршала, работал заместителем главного конструктора по испытанию танков. Жил в доме по проспекту Ленина № 15, здесь в годы войны дважды бывал его отец К. Е. Ворошилов. После войны П.К. Ворошилов долго работал в Челябинске, а затем уехал в Ленинград и возглавлял там танковый институт в звании генерал-лейтенанта...»

Кроме них на заводе трудилась целая плеяда талантливых инженеров, возглавлявших трудовой коллектив общей численностью более 100 тысяч человек, одной из образцовых ячеек которого была бригада В. В. Гусева в количестве шести человек.

«Работали мы по 12 часов, — продолжал свой рассказ В. В. Гусев. — В 1943 году на бригаду выделили комнату в жилом доме. Мы установили в ней шесть коек и жили все вместе. Времени на отдых и сон после трудового дня не хватало. «Отоспимся после победы», — подбадривали друг друга мы. Монотонная тяжелая работа изматывала. «Отдыхать будем после войны», — условились мы.

19

Один из узлов танка — коробка передач — состоит из множества деталей, 25 из них вытачивала наша бригада. Если нет одной детали — значит нет коробки, а следовательно, и танка. Мы чувствовали за собой ответственность и старались перевыполнять дневное задание. Девять раз наша бригада выходила победителем в областном соревновании фронтовых бригад, а их только на одном ЧТЗ насчитывалось 1100. Два раза завоевывали переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ и наркомата танковой промышленности в соцсоревновании среди 18 тысяч фронтовых бригад отрасли. К переходящему знамени прикладывались премиальные деньги и немалые, но мы их сразу же перечисляли в Фонд обороны на строительство новых танков, самолетов и кораблей.

Все ребята моей бригады к работе относились творчески, выискивали резервы. Как-то, выступая на комсомольском собрании, я, обращаясь к представителю обкома партии, сказал: «Мы у вас не хлеба просим, обеспечьте нас инструментом, а за нами дело не станет». На другой день вызвали меня к секретарю обкома Н. С. Патоличеву. Я прямо с завода, в спецовке, захожу к нему в кабинет.

Он встал из-за стола, не спеша вышел мне навстречу и тихо по-отечески спросил:

- Ну, чем я могу тебе помочь?

- Нам нужны резцы для алмазной расточки, — ответил я.

- Хорошо, в ближайшие дни резцы вам доставим, — сказал Николай Семенович и угостил меня бутербродами с колбасой, вкус которой за годы войны я совсем забыл... Вскоре резцы принесли нам прямо на рабочее место. Используя их, я на другой день дневную норму выполнил на 1000 процентов.¹

В таком напряженном ритме проходили дни и годы в Танкограде. Однажды, работая в ночную смену, утром я услышал по радио о том, что в Берлине подписан акт о капитуляции Германии. Трудно пересказать словами, что в этот миг творилось на заводе. Работа во всех цехах остановилась. И ликующий трудовой люд с развернутыми знаменами и транспарантами двинулся на городской митинг. Площади Революции тогда еще не было и мы шагали на площадь к Главпочтамту. Впереди колонны — директор И. М. Зальцман, рядом с ним — парторг ЦК ВКП(б) Е. В. Мамонтов. Чувство неумной гордости и радости переполняло всех. Еще бы, к чему стремились, ради чего перенесли столько горя и мучений — свершилось. Победа!..» «Волнующих речей было столько, что от слез радости асфальт стал мокрым», — образно заметил В. В. Гусев, завершая свой рассказ.

После войны Василий Васильевич Гусев с орденами Ленина и Трудового Красного Знамени на груди, будучи уже известным танкостроителем не только в Челябинске, но и во всей стране, — его портрет, выполненный художником Огурцовым, экспонировался в историческом музее в Москве. А по радио часто звучала песня «Василий Васильевич», посвященная ему композитором Н. Богословским и поэтом Б. Ласкиным, — получил, наконец, возможность учиться. Вначале — в вечерней школе рабочей молодежи, потом — в машиностроительном техникуме, по окончании которого он работал в конструкторском бюро ЧТЗ. В 1957 году его избрали, секретарем Тракторозаводского РК КПСС, в 1963 году — председателем райисполкома, а перед выходом на пенсию он занимал должность заместителя директора ЧТЗ.

У его товарищей по бригаде судьбы складывались поразному. Владимир Калиневич и Михаил Тимофеев вернулись в Ленинград на свой родной Кировский завод.

Николай Костылев окончил институт и работал заместителем директора Челябинского холодильника.

Юрий Иксти тоже окончил институт и работал начальником конструкторского бюро в Кургане.

И лишь Алексей Лебедев остался на ЧТЗ, проработав 46 лет у станка, ушел на пенсию.

В канун празднования 50-летия Победы в Великой Отечественной войне они все вновь оказались вместе на одной черно-белой фотокарточке, помещенной на стенде Мемориала Победы на Поклонной горе в Москве. Молодые, красивые, крепкие— такими они и останутся в памяти потомков — бойцы сотысячной гвардии Танкограда.

ЗОЛОТАЯ РОТА

Ветеран завода «Станкомаш» Михаил Тихонович Евстратов, вспоминая военные годы, рассказывал о своей жизни: «Нас, полторы тысячи 15-летних мальчишек, недоучившихся ремесленников, вывезли из Ленинграда за 8 суток до начала блокады. Поезд, прикрываемый в начале пути с воздуха истребителями, уступая дорогу эшелонам, идущим на фронт, медленно продвигался на восток нашей страны и в сентябре 1941 год доставил нас в Челябинск. Мы были распределены по общежитиям и заводским цехам, а через два дня уже стояли у токарных станков, осваивая новую работу по изготовлению снарядов. Что такое война ленинградские ремесленники уже хорошо представляли, работая на строительстве оборонительных укреплений на подступах к городу Ленина и наблюдая, как зенитчики сбивали немецкие самолеты. В Челябинске же мы убедились, что все труженики тыла живут теперь под девизом «Все для фронта, все для победы!» Завод имени Серго Орджоникидзе, перестроившийся на режим военного времени, быстро наращивал темпы производства современных бронебойных снарядов. Сменные задания рабочим увеличивали почти каждый день, а мы эти задания постоянно перевыполняли на 150—180 %, за что от мастера получали дополнительные талоны на обед. К концу смены буквально валялись с ног от усталости. Часто в общежитие не уходили, ночевали прямо в цехе на чердаке кабинета начальника цеха Дмитриева, относившегося к нам с сочувствием и называвшего нас «золотой ротой».

Среди военных лет для меня особенно тревожным был 1943 год. Ленинград в блокаде, Смоленщина, где проживала мать с пятью детишками, занята немцами, отец — на Калининском фронте. Положение было тяжелое, но мы верили в Победу, жили полной и содержательной жизнью. Мне было всего 17 лет. В общежитии, располагавшемся в доме № 6 по улице Челябинского Рабочего, где мы размещались, нередко устраивались танцы, в красном уголке проводились политинформации, беседы. Победные вести с фронта

воодушевляли всех и придавали нам новые силы. Работали на заводе по 12 часов в две смены, без выходных. Произведенные за сутки снаряды, тут же отправлялись на фронт.

Одновременно с работой на заводе нас, парней, офицеры-танкисты обучали военному делу, учили водить танки, стрелять. В 1944 году многих наших подростков отправили на фронт. А я в числе рабочих, имеющих высокий разряд, оказался под бронью и продолжал работать на заводе до Победы.

9 мая 1945 года стал для нас самым радостным и торжественным праздником. Тысячи рабочих челябинских заводов, построившись в колонны, с развивающимися Красными знаменами собрались в центре города. К ним присоединились многочисленные фронтовики-инвалиды и просто прохожие. Состоялся грандиозный митинг по случаю Дня Победы. После войны часть ленинградцев из «золотой роты» вернулись домой в родной город, другая часть навсегда осталась челябинцами. В канун 60-летия Великой Победы я все чаще вспоминаю своих товарищей из «золотой роты», которые работали на трудовом фронте наравне с взрослыми, показывали примеры образцового служения Родине и оставили о себе глубокий след в памяти.

21

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

«Память сердца рубцами вспорота.
Но и ныне помнит она,
Как под стены родного города
В сорок первом пришла война...»

В 1914 году в казачьем поселке Еткуль насчитывалось 467 домов, в одном из них жил со своей семьей лихой казак Федор Гладышев. В начале Первой мировой войны, как и все его товарищи, он ушел на фронт. Достоинo дрался с врагами. Был тяжело ранен. В Еткуль его привезли еще живым. Дома он прожил не долго, от полученных ран скончался. В качестве компенсации за погибшего отца и мужа его вдове была выплачена большая сумма денег и добавлен земельный надел. Вдова казака Марина на полученные деньги построила просторный дом, крытый железом. Из этого дома в 1942 году ушел на фронт

сын казака Александр, который на селе значился мастером на все руки. Он плохо слышал, но прикрываться своим недугом не стал, так как враг подходил к Волге, и надо было кому-то остановить его. Краткосрочные курсы молодого бойца Александр Федорович проходил в Челябинских Красных казармах, а красноармейцев, расквартированных в этих казармах, обеспечивал овощами Еткульский колхоз. Поэтому А.Ф. Гладышев часто приезжал в село за картофелем, капустой и другими продуктами. Командиры иногда разрешали ему остаться дома на ночь. Его сын пятилетний Витька был в восторге от своего отца, от его строевой выправки, могучего телосложения. Военная форма: гимнастерка под солдатским ремнем, ботинки с аккуратно уложенными обмотками, пилотка с красной звездой на голове украшали отца - труженика от земли настоящего гражданина и воина. Витька постоянно висел у него на шее. Но настал день, когда Александр Федорович сказал жене Агрипине Павловне: «Сегодня я приехал последний раз, вечером мы уезжаем на фронт». Агрипина Павловна работала в колхозе и ее в этот день не смогли отпустить даже на 30 минут, чтобы проститься с мужем. Витька один босяком по разогретой солнцем тропинке пришел на перекресток дороги, ведущей в Челябинск, и сел на полянке, ожидая, когда появится автомашина с красноармейцами. Полянка была усыпана ромашками, незабудками, колокольчиками. Бабочки перелетали с цветка на цветок. Какой-то черный жук упорно старался подняться вверх по зеленому стеблю. Стебель прогибался под его тяжестью почти до земли, а жук опять карабкался вверх. Витька с интересом наблюдал за окружающим его микромиром, но в душе его все нарастала и нарастала тревога за своего отца. Несмотря на малолетний возраст, он уже знал, что такое война. Наконец из-за поворота, поднимая клубы пыли, выехал полупанк. Отец, увидев сына, застучал кулаком по кабине. Автомашина остановилась. Отец схватил Витьку, поднял его вверх и крепко прижал к себе. Из кабины автомашины кричали: «Скорей, опаздываем!». Отец опустил Витьку на землю, вынул из кармана кусок сахара, вручил его в руки сына и побежал к уже тронувшейся с места полупанке. Легко заскочил в кузов и долго махал рукой, пока полупанка не скрылась из виду. А Витька стоял с куском сахара в руках и плакал. Вечером он передал сахар матери и рассказал о своей встрече с отцом. Мать предложила сохранить этот сахар до возвращения отца с фронта, завернула его в платочек и положила за божницу.

Лето 1942 года выдалось засушливым. На полях все выгорело, а осенью пошли, не преставаая, дожди. Выкопанной картошки не хватило даже до нового года. В уборочную компанию женщины на селе работали трактористами, комбайнерами. Мальчишки постарше отвозили зерно от комбайнов бричками. «И все же на селе жить, - вспоминал Виктор Александрович Гладышев, - было полегче, чем в городе. Как - никак свой огород.

На огороде выращивали овощи. Корова давала молоко. Хлебные и продовольственные карточки селянам не выдавали, вместо их селянам полагалось сто граммов пшеницы за каждый трудодень. Пшеницу мололи на мельнице. Хлеб пекли в русских печах. За корову, теленка полагался налог. Все безропотно платили его, понимая, что это надо, ведь идет война. Сено для коровы заготавливали сами и на корове же возили его домой».

Летом 1943 года почтальон принес в дом Гладышевых похоронку. И мечта Витьки о возвращении отца с фронта развеялась, как дым. Время шло. С фронта приходили разные вести. Однажды в мае 1945 года Виктор вышел на улицу и сразу же почувствовал какое-то изменение настроения у односельчан. У райцентра из репродуктора раздавалась музыка. Люди радовались, обнимались. Из окна одного из домов выставили патефон, поставили пластинку «Конница Буденного». Здесь же парни девчата танцевали прямо на улице. Где-то на задах заиграла гармошка. Появилось много цветов. Всюду были слышны слова: «Победа! Наконец-то Победа!»

В этот день вечером в доме Гладышевых собрались все вдовы фронтовиков Еткуля, которые уже не ждали своих мужей с фронта. Агрипина Петровна накрыла стол. Появились на столе вареный картофель, соленая капуста. Откуда-то принесли бутылку самогона. Вдовы вспоминали своих мужей, тяжело вздыхали, плакали. Детей посадил за отдельный столик. Вскипел самовар. Поставили его на стол. Чая не было, вместо чая заварили сушеную морковку, о сахаре никто и не помышлял. «Мама, а сахар, который папа передал»,- вспомнил Виктор. Агрипина Павловна заохала, заохала, достала из-за божницы комок сахара, положила его на ладонь и обушком столового ножа разбила комок на маленькие кусочки и раздала всем. Разлили чай в блюдца, пили его вприкуску с сахаром, вспоминали своих погибших мужей и вытирали слезы, чем придется.

Уходя на фронт, отец Виктора наказывал матери: «Агрипина, береги детей, , постарайся, чтоб они все учились». Мать рассказала об этом сыну, и Виктор наказ отца взял за основу своей жизни. Благо, что в СССР все виды обучения были бесплатными. Как только научился читать он не «вылезал» из библиотеки. Школу закончил на четыре и пять. «К тому времени,- продолжал рассказ Виктор,- мы переехали жить в поселок Роза. Мать там работала в шахте. Спускался в шахту и я, помню вагонетки с углем, спертый воздух и молодцеватого вида шахтеров. Именно тогда решил я стать горным инженером. Экзамены в институт сдал успешно, но не прошел по конкурсу. Поступил учиться в техническое училище. Выучился на токаря. Работал токарем на ЧТЗ. И на следующий год поступил в ЧПИ на вечерний факультет. Экзамены сдал 12 числа, а 15 числа мне принесли

повестку в армию. И оказался я, как мой отец, в Красных казармах Челябинска. Из нас сформировали роту, обмундировали и отправили на целину. Там мы занимались заготовкой сена для двух колхозов. Работали так, что заготовили колхозникам сена на три сезона и отбыли в Самару в свой зенитно-артиллерийский полк, откуда сержантом в 1959 году, после увольнения в запас, я вернулся в Челябинск. Окончил вечерний институт и работал на радиозаводе, а перед выходом на пенсию занимал должность начальника отдела научно исследовательского института».

При Советской власти, когда проезд на железнодорожном и других видах транспорта был доступен всем гражданам СССР, В.А. Гладышев проехал по военным дорогам своего отца. «Мой отец,- рассказывал он,- участвовал в боях под Сталинградом и остался жив. А вот в Курской битве, во время наступления от Белгорода на Харьков, он наступил на мину. В госпиталь, который располагался в доме отдыха города Щебекино, отца привезли 8 августа еще живым, но 12 августа он умер. Там же он и похоронен в братской могиле». На пенсию В.А. Гладышев вышел в 1997 году, когда в стране уже произошла смена власти, социальные завоевания поколения фронтовиков были упразднены и подвергнуты остракизму. Накопления стариков в сберкассах были обесценены до неприличности,

23

особенно трехпроцентные облигации, их, обесценили до такой степени, что многие их владельцы не пошли обменивать облигации на жалкие копейки, а оставили их на память об этом бесчестном времени. Пенсии стали мизерными и пожилые люди в одночасье оказались в положении почти нищих. Тяготы реформ 90-х годов в первую очередь сказались на ветеранах – детях, погибших участников Великой Отечественной войны. Прошагав по жизни без поддержки отцов, мало кто из них достиг желаемых целей. Конечно же, они завидовали своим сверстникам, у которых отцы вернулись с фронта победителями. Фронтовики были окружены всеобщим вниманием и уважением. Им полагались различные льготы, начиная от первоочередного приобретения дефицитных товаров, до обеспечения квартирами и легковыми автомобилями. Фронтовики получали их вполне заслуженно и передавали в пользование своим детям. Ну, а для детей погибших солдат оставались лишь «Вечный огонь», да скорбная память. Льготы, установленные для семей погибших фронтовиков, последующими законодательными актами были сведены на нет. Попытки вернуть их, хотя бы частично, оказались безуспешными. Даже некоторые фронтовики, часто вспоминающие на встречах о своих погибших товарищах, просьбы детей этих товарищей не только не поддерживали, но и, порой, осуждали детей

погибших фронтовиков за «нескромность». Поэтому для защиты своих прав, достоинств и памяти о павших отцах дети войны создали свою общественную организацию «Память сердца». Эту организацию поддержал Губернатор П.И. Сумин, поддержали и местные органы власти. В 2000 году прошла в Челябинской области регистрация этой категории ветеранов, их оказалось 66 тысяч. Возглавляющий в настоящее время эту организацию В.А. Гладышев отмечал: «С 2000 по 2008 годы 925 ветеранов нашей организации на выделенные областью средства съездили к местам гибели и захоронения своих отцов, более 600 человек получили возможность поправить свое здоровье в санаториях, по мере необходимости оказывалась материальная помощь нуждающимся. Но совсем по-другому к нам отнеслись федеральные власти. На все наши обращения к ним в ответ приходили только отписки. Мы искренне радуемся за своих сверстников-детей репрессированных родителей, которым предоставило государство значительные льготы, но не можем понять, а чем наши-то отцы были хуже».

Время уходит быстро. Стоимость лекарственных средств и медицинских услуг возрастает еще быстрее, во многом по этой причине численность организации «Память сердца» уменьшилась на 14 тысяч человек. А дети павших бойцов во главе со своим председателем В.А. Гладышевым продолжают надеяться и верить, что Правительство, наконец-то их услышит и отдаст должное их отцам.

НАЧАРОВЫ

Самому младшему в семье Начаровых Анатолию было всего полтора года, когда началась Великая Отечественная война и его отец Александр Маарович мастер на все руки, прекрасный пимокат, работавший до войны полеводом в колхозе имени Молотова, ушел на фронт и через год в 18 августа 1942 года погиб под Ржевом. Поэтому Анатолий не помнит своего отца, но все знает о нем по рассказам, матери, старших братьев и сестры. А вот день, когда принесли в дом Начаровых извещения о гибели отца, врезался в его память навсегда. Он помнит мать с распущенными волосами упавшую в обморок на пороге дома, кто-то кричал: «Скорее воды!» С помощью воды привели мать в чувство. И с этого момента начался отсчет сиротской жизни Начаровых.

До войны отец успел достроить дом-пятистенник и покрыть его железом. Жили Начаровы в селе Красноярка Бугурусланского района, на берегу реки Кинель. Весною речка так разливалась, что затопляла все луга, и можно было на лодке проплыть от одной

горы до другой. А когда вода спадала, на лугах буйствовала растительность. Селяне собирали там ягоды, грибы, дикий лук, щавель, кислятку и другие дары леса.

Мать Начаровых Анисия Васильевна, была грамотной женщиной, многие колхозники приходили к ней за советом. После гибели отца она работала свиначкой в родильном отделении свинофермы, не чуждалась никакой другой работы. За год у нее получалось до тысячи трудодней. «Кроме того, у нас был огород в 60 соток, - вспоминал А.А. Начаров, - мы держали корову, кур, откармливали двух поросят. В зимнее время одна из двух комнат нашего дома была отдана скотине, в крепкие морозы мы даже корову в доме держали. Летом заготавливали для нее сено. Траву косили мама, сестра и братья, а я помогал им сгребать сено, переворачивать его для сушки, копнить, выполнял роль полевого кашевара и хозяйственные работы по дому.

Чтобы землю вспахать на огороде колхоз всегда выделял нам лошадь. Брат Николай или брат Володя шли за плугом, я, держась за уздцы, шел, показывая путь лошади. Приходила мама, осматривала нашу работу и говорила: «Нет не в отца вы уродились, отец лучше всех в колхозе землю пахал». Но когда, однажды сосед, заступаясь за своего сына, попытался нас обидеть, мать пригрозила ему: «Учти, мои ребята в отца уродились, подрастут они с тобой рассчитаются».

День победы над Германией мы встретили с двояким чувством. С одной стороны мы радовались вместе со всеми великой победе, с другой стороны наши тайные надежды на то, что отец, может быть, остался жив и вернется с фронта после войны, развеялись как дым. Мама чтобы отвлечься от печальных мыслей весь день работала на ферме и не заметила, как очистила от навоза весь свиначник. И уже тогда для себя я сделал вывод, что войну выиграла мать.

У односельчанина Николушки был сын офицер, который тоже погиб на фронте. Николушка получал за сына хорошую пенсию. И каждый раз, возвратившись из города с пенсией, он обходил все дома, в которых жили вдовы фронтовиков, и угощал их конфетами. А когда в клуб привозили кинопередвижку, мы бежали к Николушке и просили: «Дядя Коля, дай 10 копеек на кино». И он давал.

По утрам нам мама часто рассказывало о том, что видела во сне отца и то что отец просил нас хорошо учиться в школе. И мы учились».

Старший брат Николай, отслужив срочную службу в армии в качестве стрелка-радиста самолета Пе-2, окончил институт и стал Заслуженным финансистом РСФСР.

Средний брат Владимир стал Заслуженным пилотом СССР, дослужился до генеральского звания. Ныне он на пенсии, но до сих пор работает советником при руководстве «Аэрофлота-Шереметьево».

Ну а младший брат Анатолий во время срочной службы в армии окончил школу младших авиаспециалистов, обслуживал бомбардировщики дальнего действия «Мясищев-3», которые с дозаправкой в воздухе могли долететь от Энгельса до Венесуэлы и вернуться обратно. На последнем году службы он окончил совершенно бесплатные шестимесячные курсы подготовки солдат к поступлению в институт, существовавшие тогда в воинских частях. Досрочно для поступления в вуз был уволен в запас. Поступил в Казанский авиационный институт. Окончил его. В 1966 году приехал на преддипломную практику на Златоустовский ордена Ленина машиностроительный завод, где был очарован красотами природы Южного Урала, таинственностью и величием вершин Таганая и решил навсегда остаться на Урале. На машиностроительном заводе он прошел путь от помощника мастера до инженера-конструктора. Был заводским секретарем комитета ВЛКСМ. В 1970 году его назначили директором ПТУ №62, а с 1974 по 1982 года он работал в аппарате Златоустовского ГК КПСС. Окончил с отличием Академию общественных наук. Возглавлял завод металлоконструкций, который стал при нем образцовым предприятием, и в 1988 году был избран 1-м секретарем ГК КПСС. А в 1990

25

году его избрали депутатом Челябинского областного совета народных депутатов. Ему суждено было стать последним председателем этого совета. В 1995 году он, возглавляя областное управление Профтехобразования, он догнал своих братьев по уровню почетных наград, став Заслуженным учителем Профтехобразования РФ.

«И когда мы были уже все при деле,- продолжал рассказ А.А. Начаров,- в 60-х годах вышло правительственное постановления о льготах вдовам фронтовиков, не вступившим в повторный брак. Мама заставила меня помочь ей оформить документы на получение пенсии вдовы фронтовика. Я убеждал ее этого не делать. Ведь пенсия, которую она заработала в колхозе, была выше пенсии вдовы фронтовика. Но мама твердо сказала: «Нет! – и с горечью произнесла слова,- пусть они со мной рассчитаются». В этот миг в глазах ее я увидел невероятные страдания и глубочайшую тоску о потерянном муже. Именно тогда я осознал, что не все в жизни измеряется деньгами. В этом впоследствии я убеждался много раз. Однажды был свидетелем разговора двух пожилых женщин:

- Ну и что же, что у тебя отец на фронте погиб? У меня отец тоже воевал и вернулся с фронта только через два года после войны,- говорила с укором одна из них.

- А как ты называла своего отца? – спросила ее собеседница.

- Папой.

- А вот я этого слова никогда не произносила и по-настоящему не знаю, что оно значит, - ответила ей другая женщина.

Слушая этот разговор, я невольно вспомнил мою сестру. У нее была тяжелая жизнь, она получала пенсию за умершего мужа участника Великой Отечественной войны. А вот за погибшего на фронте отца ей ничего не полагалось».

Работая дружно в колхозе, Начаровы и после войны жили не хуже своих сверстников, у которых отцы вернулись с фронта живыми. Никому не завидовали. С благоговением относились к фронтовикам, ведь они были там, на фронте, откуда не вернулся их отец. Впоследствии, когда участникам войны стали преподноситься от имени Правительства и дорогие подарки вплоть до легковых автомашин глубоким старикам, которым из-за возраста уже противопоказано было за руль садиться. Ветераны эти подарки принимали, как должное, и передавали их своим детям и внукам. А у детей погибших фронтовиков возникал вопрос, а наши - то отцы были чем хуже? Ведь на фронте первыми погибали те бойцы и командиры, которые первыми поднимались в атаку и первыми врывались в расположение врага. В то же время принятые ранее льготы семьям погибших военнослужащих были завуалированы последующими законодательными актами. А предусматривавшиеся льготы детям погибших фронтовиков, проигнорированы еще и местными чиновниками. Все попытки детей погибших фронтовиков обратиться в Правительство, в Госдуму и к Президенту страны рассмотреть вопрос о статусе детей погибших фронтовиков и признать их жертвами фашизма до адресатов не доходили или возвращались в виде отписок. И тогда дети фронтовиков решили создать свою организацию «Память сердца», и совместно отстаивать честь и достоинство своих погибших отцов. А.А. Начаров один из первых вступил в эту организацию в Челябинске, участвовал в ее становлении, а в 2012 году был избран председателем правления этой организации». В этом же году он участвовал в работе 1-го съезда делегатов межрегионального союза членов семей погибших участников Великой Отечественной войны, проходившего в Твери. На этом съезде присутствовали заместитель губернатора и министр социальных отношений Тверской области. С трибуны съезда во весь голос прозвучали слова: «Дети погибших фронтовиков являются наследниками первой очереди творцов Победы. Они не должны мириться с обесцениванием подвига погибших фронтовиков. А статус детей погибших фронтовиков должен быть адекватным великому подвигу их отцов».

«На съезде,- добавил к сказанному А.А. Начаров,- были намечены основные направления деятельности союза, которые совпадают с планами нашей организации «Память сердца». Мы приложим все свои силы, чтобы претворить их в жизнь. Это долг наш перед своими отцами».

ПОСЛЕ ДАЛЬНИХ ПОХОДОВ

Он видел простор океанский,
далекого солнца огонь,
к штурвалу тревоги и странствий
его прикоснулась ладонь.

А. Лебедев

Два дня девятибалльный шторм в Охотском море трепал и колотил подводную лодку. А когда волны утихомирились, на подходе к восточному побережью Сахалина, командир дал, наконец, возможность экипажу передохнуть. Уложили лодку на грунт и объявили о просмотре кинофильма «Анна на шее». На торпедные аппараты в носовом отсеке укрепили экран. Поставили кресло для командира. Ну, а экипаж разместился кто где как смог. Во время кинофильма вдруг экран покачнулся и пополз в сторону, повалилась на бок киноустановка, и раздался сигнал громкого боя — тревога! Все бросились по своим местам, спотыкаясь о распутившуюся по отсеку кинолентку. И в это время торпеды в отсеке, которые должны быть хорошо закреплены, стали зловеще перемещаться. До беды было недолго.

Оказывается, подлодка легла на скалистый уступ, во время кинофильма соскользнула с него и пошла кормовой частью в глубину. Командир мог воспользоваться тогда системой экстренного всплытия, при срабатывании которой лодка, как пробка, вылетает на поверхность. Но не известно было, а что там делается наверху. Хладнокровие, выдержка, опыт командира и четкие безошибочные действия экипажа позволили справиться с аварийной ситуацией и выровнять положение корабля.

Море требует от моряка к себе уважение, дисциплины и организованности. А тех, кто нарушает морские законы, строго наказывает. Поэтому на подлодках порядок особый. Любое перемещение по кораблю, например, осуществляется только с разрешения центрального поста с записью в вахтенный журнал. Даже если матросу потребовалось посетить туалет, он должен об этом сообщить дежурному, а тот записать в журнал. При

выходе на мостик подводнику выдается бирка и указывается его место на мостике. Наверху тоже есть туалет, но и его посещать можно только с предупреждением дежурного офицера. Однажды, в связи с этим, у нас произошел полусмешной случай, к счастью благополучно завершившийся. Заместитель командира по боевой части проигнорировал установленные правила. И не услышал команду:

- Всем вниз! По местам стоять к погружению! — Задраили люки. Лодка ушла под воду.

- Осмотреться в отсеках! — поступила команда.

После доклада выяснилось, что одного человека не хватает.

- Повторить доклад! — результаты те же.

-Кого нет?

-Так Илюхин должен здесь находиться, в боевой рубке, он отсутствует.

Лодка немедленно всплыла. Заместитель командира, успевший схватить и надеть спасательный жилет, держался на воде в шинели и в ботинках до тех пор, пока его не подобрали.

Эти эпизоды из воспоминаний о военной службе на Тихоокеанском флоте в 50-е годы записаны со слов Виктора Николаевича Якимова, известного фотожурналиста, считающего свою профессию «состоянием души», а иногда откладывающего фотокамеру и берущего в руки карандаш. Его новеллы: «Поле», «Бабка Александра», «Что-то вроде

27

исповеди» и другие получили самую высокую оценку не только читателей «Вечернего Челябинска», но и его коллег-журналистов. Родился он в 1935 году в глухой деревушке Солдатовцы Кировской области. В 1941 году ушли на фронт его отец и брат отца — дядя Иван. Главным в доме остался дедушка, он и распорядился относительно своего внука: «Мы с утра до вечера будем работать в хозяйстве, а он, что же, целый день дома один будет болтаться? Ничего что ему только шесть лет, парень он смышленный, пусть идет в школу учиться».

Сельская школа располагалась в большом пятистенном доме. В классных комнатах одновременно занимались два или несколько классов. Учебников на всех не хватало. Бумаги вообще не было. Писали на газетах, вместо чернил использовали свекольный сок. «Периодически к нам в школу приходил председатель сельсовета, — вспоминал Виктор Николаевич, — и на общешкольной линейке вручал кому-то из старшеклассников повестку о призыве в армию. И на другой день все село провожало новобранца в дальнюю дорогу. Первым из учеников мы проводили Михаила Молчанова. Первым же он, весь израненный,

возвратился домой инвалидом и стал работать в нашей школе военруком. Под его руководством мы изучали военное дело, правила противовоздушной обороны, маршировали с деревянными самодельными винтовками и даже учились бросать гранаты.

Вторым возвратился без ноги, опираясь на костыли, его однофамилец Алексей. Все жители села собрались у него в доме. Он жил вдвоем со своим потерявшим зрение отцом. Женщины плакали навзрыд, просили рассказать: «А как мой-то там?», «Не встречал ли там моего?». Нанесли еды кто, что мог. Появился самогон. Слезы сменились задушевными песнями. Стали искать Алексею невесту. И нашли.

А вскоре пришло письмо от нашего отца. Он находился в госпитале в областном центре совсем близко, всего в 150 километрах. Но как до него добраться, лошадь никто не даст, а другого транспорта в то время не существовало. Мать лежала больная. И тогда бабушка сплела себе новые лапти и пешком пошла к сыну. Через несколько дней она вернулась. Принесла от отца подарок: буханку черного хлеба, полкилограмма комового сахара и открытку с изображением матросов с кинжальными штыками на винтовках и надписью: «Наше дело правое — мы победим!». После госпиталя отец вновь уехал на фронт и через два месяца пришло извещение о том, что он погиб без вести.

В 1943 году неожиданно на побывку приехал дядя Иван, в ослепительно белом полушубке, с четырьмя звездочками на погонах, в кубанке, при пистолете и при шашке. Целехонек — ни одной царапины. Для нас его приезд был великим событием. Разогрели самовар. Дед достал бутылку самогона. Взрослые сели за стол. Выпили. Я лежал на полатах и сверху наблюдал за их беседой. Все складывалось по-семейному, радушно. Но дедушка начал такой разговор: «Скажи, Иван, как же так получилось, я в 1917 году с этих трутней снимал погоны, а ты мой сын сидишь против меня опять в погонах». Слово за словом, а дядя Иван горячий был, не зря его в деревне цыганом звали, выхватил шашку, размахнулся, а потолки-то в избах низкие, шашка воткнулась в потолок, попала в щель и ее там заклинило. Он тянет ее на себя, а вытащить не может.

Через два дня дядя Иван уехал. И вновь потянулись тоскливые, унылые дни. Летом работа с утра до ночи с женским плачем и криком от полученных извещений о гибели родных. А зимой мор скота и совсем близкий вой за околицей осмелевших волков. Сошла с ума солдатка Анна, замерз вместе с лошадью наш председатель колхоза — инвалид гражданской войны Тихон, сбившись в пургу с дороги. Была бы лошадь добрая, вынесла бы. Но лошади ведь тоже воевали. Вначале войны всех лошадей, годных к военной службе, из села забрали, а ведь нужно было пахать, сеять.

Десятилетним мальчишкой шагал я по распаханному полю за лошадьё, тащившей по пашне борону. Костлявая, голодная, она часто останавливалась, косила на меня круглым лиловым глазом, как бы просила пощады. Я по-детски жалел ее, гладил понурую

28

опустившуюся голову, часто ревел от жалости. Подходили женщины, горько вздыхали и говорили:

— Чего ревешь-то, мужик ведь...

Прошло много лет. Для молодых война стала давней историей. А для нас? Она оставила в наших душах глубокий след, отпечаток. Однажды в бескрайней шири океана, в котором несколько месяцев находилась подводная лодка, мне как-то ночью на мостике вдруг вспомнилась наша деревня. Черное тело корабля резало чуть волновавшуюся гладь океана, искрились вдоль борта мириады микроорганизмов, ощутимо пахло солью от обшивки рубки. И сквозь эти, чисто морские запахи явственно проступали в памяти запахи трав, свежей распаханной земли поля моего детства. Детства, опаленного самой страшной в истории человечества войной с германским фашизмом».

Оглядываясь сегодня назад, приходится с грустью констатировать, что уже мальчишки военного времени становятся ветеранами. Приняв эстафету от своих отцов и дедов, они прошагали по жизни сделав главное: создали в стране мощную экономику, армию и Военно-Морской Флот, отдали воинской службе лучшие годы своей жизни и не допустили в раздираемом противоречиями мире развязывания новой большой войны. Потомки по достоинству оценят это

СПАСИБО, СЫНОК

Ибрагиму Фетяхетдиновичу Таирову было всего два года, когда в 1942 году пришло в его семью, маме и четырем братьям и сестренкам, известие о том, что его отец на фронте пропал без вести. Своего отца Ибрагим знал только по фотокарточкам. Тяжелое безотцовское детство его усугублялось еще и тем, что семья оказалась на оккупированной врагом территории. «Однажды, вспоминал И.Ф. Таиров,- фашист меня так поддел башмаком, что я отлетел от него метров на пять, а он потом еще и очередь из автомата в мою сторону выпустил». Без поддержки отца семье было очень трудно. Но, несмотря на все тяготы и невзгоды, сын фронтовика выжил. Вначале окончил техникум, потом Магнитогорский горнометаллургический институт. Благо, что все виды обучения в СССР

были бесплатными. Став инженером, он работал на разных стройках страны. Строил объекты и в Челябинске. Много трудился, занимался общественной деятельностью. Но никогда не забывал о своем долге, во что бы-то ни стало узнавать о судьбе своего отца и найти его могилу. С этой целью он объехал почти всю европейскую часть СССР цены на все виды транспорта в Союзе были вполне доступными. Обращался в самые разнообразные архивы. И удача улыбнулась ему. Он нашел место захоронения своего отца В Орловской области. Орловская администрации и военкомат помогли ему в этом. После теплого приема у главы администрации орловчане проводили его до выхода, пожелали ему счастливого пути и просили передать привет Челябинску, танки которого сломали хребет фашизму. «Уходя из администрации,- рассказывал И.Ф. Таиров,- я почувствовал какую-то неестественную потребность повернуться назад. Оглянулся, и меня словно током ударило: среди людей, стоявших на крыльце администрации, я увидел образ своего отца, он махал мне рукой и кричал: «Спасибо, сынок!»

После выхода на пенсию И.Ф. Таиров возглавил Троицкое отделение организации «Память сердца», объединяющее таких же, как и он, детей погибших фронтовиков.. Одной из главных задач этой организации является стремление донести до молодежи правду о войне, о военном времени и о подвигах поколения победителей. Недавно И.Ф. Таиров с целью ознакомления с достопримечательностями Танкограда привез в Челябинск группу школьников из Троицка. Их встретил и сопровождал по городу председатель областного правления организации детей погибших фронтовиков «Память сердца» В.А.

29

Гладышев. Школьники осмотрел в Челябинске музей школы №53, где прослушали рассказ директора музея И.В. Ковшова о 96-й Добровольческой танковой бригаде имени Челябинского комсомола, которая формировалась в 1942 году в здании этой школы. В музее памяти воинов-интернационалистов не менее интересную информацию троичане получили от ветерана военной службы С.А. Сигалова, который разрешил ребятам потрогать музейные экспонаты и сфотографироваться с настоящим оружием в руках. С выставкой военной техники, производимой в годы войны на заводах Челябинска, познакомил гостей из Троицка председатель ветеранского клуба «Танкоград» Э.А. Соболев. А в заключение юные экскурсанты побывали в музее ЧТЗ и узнали много нового о трудовых и боевых подвигах Танкограда.

В составе группы экскурсантов были руководители школьных музеев города Троицка Н.И. Мурзина и С.И. Рымарева. В ходе встреч в Челябинске произошел обмен опытом

энтузиастов музейного дела, на котором, подводя итоги, И.В. Ковшов выразил общее мнение: «Вот эти ребята И.Ф. Таирова, побывавшие у нас и соприкоснувшиеся к реликвиям и документам войны, теперь надежно защищены от влияния фальши кинофильмов о войне, которые не редко показывает центральное телевидение».

Да, это так. Если бы был жив солдат Отечества – отец И.Ф. Таирова, посмотрел бы он на своего сына и на его ребят и непременно сказал бы: «Молодец, сынок!»

ДОМ ОБОРОНЫ

В августе 1941 года в Белорецк было передислоцировано Второе Ленинградское ордена Ленина краснознаменное артиллерийское училище. Несколько его подразделений разместились в Доме обороны. А в самом начале улицы Ленина. На высоком берегу реки Белой, появилась батарея тяжелых орудий. С утра до вечера артиллеристы проводили возле них занятия.

Ребята-школьники близлежащих районов располагались на полянке напротив 152-миллиметровых пушек и внимательно наблюдали за действиями орудийных расчетов.

- Снаряд осколочный! – кричал командир. И заряжающий подносил к казенной части тяжелый снаряд, имитировал его подачу и отставлял в сторону.

- Заряд семнадцатый! – подавал следующую команду командир. И заряжающий имитировал подачу медной, сверкающей на солнце гильзы, похожей на огромный патрон охотничьего ружья, и тоже отставлял ее в сторону. Потом артиллеристы вставляли в два ряда напротив друг другу, один из них по команде командира дергал за веревочку, раздавался щелчок, означавший, что выстрел сделан. И все операции повторялись заново.

Ребята, наблюдая за артиллеристами, настолько заучили их действия, что готовы сами были сами встать к орудию. Но сделать это было невозможно из-за возраста, и им оставалось только завидовать красноармейцам. О своих мечтаниях они по секрету делились между собою. Стасик Данилов, например, признался, что он решил украсть лошадь у дедушки Симонова, чтобы уехать на ней на войну, на помощь своему отцу и броситься в кавалерийскую атаку на врага, да так, чтобы плащ-накидка развевалась бы по ветру, как бурка у Чапаева. А Вовка Волчицкий уже давно присмотрел на пруду моторную лодку и подыскивал себе напарника, чтобы перетащить ее через заводскую плотину, уплыть к морю и поступить там юнгами на боевой корабль Черноморского флота. Саня же Антипин утверждал, что на фронт надо ехать только на поезде и разъяснял как нужно правильно цепляться за подножку вагона и как потом на ней удержаться, чтобы не упасть. И только Игорь Ракитин считал, что это пустые разговоры, на фронт нас не пустят, потому

что надо немного подрасти. И рассказывал ребятам, что его родной дядя Ваня – военный моряк, прислал письмо, в котором сообщил, что как только вода в Белой малость прибудет, так он на своем корабле приплывет в Белорецк. Здесь Игорь, конечно же

30

немного подсочинил, но Володя Митин, Федя Перчатки и братья Петуховы тут же стали просить его, чтобы он уговорил своего дядю взять их покататься по реке. Игорь обещал товарищам выполнить их просьбу. Однажды во время одной из таких бесед, когда солнце только что ушло за горизонт юные друзья вдруг увидели, как солнечные лучи, преобразовавшиеся в широкие разноцветные полосы, переливаясь всеми цветами радуги, веером рассыпались из-за голубого трезубца горы Малиновки. Широко раскрыв глаза, они молча глядели на это чудо природы, еще не догадываясь о том, в каком сложном и многообразном мире им предстоит жить.

До войны город Белорецк был сплошь деревянным. Только в центре имелось три трехэтажных жилых здания. Все остальные были бревенчатые избы с резными карнизами и ставнями, с крышами, крытыми железом, с огородами на задах и палисадником перед каждым домом. На углу улиц Ленина и Кирова из общей масс бревенчатых ломов выделялось здание, хотя и одноэтажное, но очень большое г-образной формы. Его называли «Домом обороны», потому что в нем располагались аэроклуб, осоавиахим и другие оборонные организации. В 1942 году авиаторам пришлось потесниться. В доме обороны разместились красноармейцы, они, обутые в ботинки с обмотками, зимой и летом занимались строевой подготовкой, учились наносить штыковые удары, метали учебные гранаты вдоль улицы Уфимской – от дома братьев Визгаловых в сторону дома братьев Мельниковых. По улице набережной связисты то прокладывали, то убрали проводную связь, оборудовали временные командные пункты, устанавливали стереотрубы, дальномеры и другие приборы. Всюду на улицах и переулках шла напряженная боевая учеба. Здесь, в глубоком тылу, красноармейцы готовились к решающим боям.

Три года пребывали воинские части в Белорецке. В августе 1944 года красноармейцы последний раз прошагали торжественным маршем по улицам города и отбыли на фронт. Стало тихо в районе «Дома обороны». Но тишина эта продолжалась недолго. Вскоре места красноармейцев в нем заняли какие-то странные смуглые мужчины-переселенцы из освобожденных от оккупантов районов юга. По городу они ходили свободно. Одетые были в национальные костюмы, многие – в длинные широкие халаты, тороченные мехом.

- А вы знаете, - рассказывали в очереди за хлебом в Мещеркиной лавке об одном из них удивленные до глубины души старушки, - он возле дворца культуры сошел с деревянного тротуара всего шага на два, сел, расправив полы халата вокруг себя по земле, и, не стесняясь ни мужчин, ни женщин, оправил свои естественные надобности, встал и дальше пошел.

Жили переселенцы в Доме обороны с неделю, пищу себе готовили под берегом реки Белой, разводя в скалах костры. Уличные мальчишки, собиравшиеся ватагами, не знали, что это за люди, куда, зачем их переселяют и рассуждали так: «Идет война. Наши отцы воюют, гибнут. Долг всех мужчин сейчас сражаться на фронте, защищать родину. А этих молодых крепких парней переселяют в глубокий тыл, значит они неблагонадежные, дезертиры, значит они достойны всеобщего презрения, поэтому в них обязательно нужно бросать камни». И, набрав полные карманы камней, они атаковали дезертиров с вершин крутого берега. В ответ кто-то из пострадавших со свирепым видом выскакивал из-под берега им навстречу. Мальчишки срывались с места и неслись гурьбой от него вдоль улицы Набережной в сторону деревянного хлебозаводского моста, впереди – ребята постарше, во главе с Колькой Шошиным, позади – малыши: Славка Сапин, Альберт Абдрахимов и Володя Тяжелников. Через некоторое время, передохнув, они вновь шли в атаку и все повторялось. Пытались обстрелять дезертиров из рогаток со стороны реки. Нашли лодку, погрузились в нее битком. Двое сели за весла. Медленно подошли к месту атаки. Увидели людей в одежде черного цвета, располагавшихся на зеленой траве под солнышком, как на курорте. Под скалами горели несколько костров, сиреневый дымок от

31

них расстилался по берегу. Дали залп из рогаток. Но оказалось, что дистанция слишком велика. «Снаряды» не достигали цели. Один из дезертиров, увидев не добрые намерения «мореходов», быстро вскочил, подбежал к кромке воды, схватил камень, да так метнул его, что он, перелетев лодку, плюхнулся возле ее носа. Среди нападающих началась паника. Послышались команды: «Дальше от берега!» Лодка, зачерпывая бортами воды, уходила на безопасное расстояние. Атака с реки не удалась. Пришлось вновь переходить к сухопутным действиям. Переселенцы же к этому времени кому-то крепко пожаловались. На следующий день утром, выйдя на «огневой рубеж», мальчишки увидели, как из-под берега навстречу им выходит человек в полувоенной форме, поставленный охранять переселенцев. Подойдя ближе к ватаге, он остановился и стал внимательно рассматривать ребят. Сомнение не было в том, что это милиционер или работник НКВД. Мальчишки, не

сговариваясь, вытряхнули на землю содержимое своих карманов и побрели обратно вдоль берега искать себе другое занятие.

После войны Дом обороны вновь был передан аэроклубу. Внутри помещения убрали перегородки и установили самолет ПО-2. Фюзеляж его располагался поперек зала левая пара крыльев – вдоль. По вечерам, когда на танцевальной веранде парка металлургов под управлением известного в городе музыканта Сорокина начинал играть духовой оркестр, и заводские парни и девчата после трудовой смены спешили в парк к своему любимому месту отдыха, юноши, влюбленные в небо, собирались в Доме обороны, где изучали авиатехнику, теорию полетов, секреты прыжков с парашютом, а затем парили высоко над землей на учебных планерах над летным полем аэроклуба, где расположился позднее Белорецкий аэропорт, закрытый после прихода к власти демократов якобы из-за ненадобности. Самым авторитетным педагогом в аэроклубе считался летчик-инструктор Карл Иванович Волков. Он носил летческую фуражку с кокардой, кожаную куртку, был крепкого телосложения, общительным, любил юмор. Кроме большой авиации он уделял внимание в городе и авиации малой, всегда назначался главным судьей на соревнования по авиамodelьному спорту. Ребята считали его своим кумиром, восхищались им и наперебой рассказывали непосвященным о том, как Карл Иванович летал в годы войны на штурмовике Ил-2, в одном из боев получил ранение в лицо и вот поэтому у него два зуба золотые.

Питомцы К.И. Волкова, получив путевку в небо в Белорецком аэроклубе, летали на различных самолетах в различных уголках Советского союза. Многие из них, как например, Дмитрий Панфилов, Евгений Лахмастов стали летчиками высочайшего класса.

В Доме обороны проводились также различные массовые мероприятия городского и районного уровня. Одним из них была первая послевоенная сельскохозяйственная выставка, на которой удивил всех дедушка Коноплев из Луки, представив на обозрение яблоки из своего сада, ничем не отличающиеся от украинских.

Ежегодно, каждую осень, здесь размещался призывной пункт. Перед отправкой на службу в Советскую Армию сюда съезжались призывники из всех сел и деревень района. Приезжали они, в основном, на телегах, запряженных лошадьми, в сопровождении многочисленных родственников и друзей. Телеги устанавливали вдоль улицы Кирова. Лошадей привязывали к ограде дома обороны, давали им корм. Шумом и гамом заполнялся Дом обороны, Родственники призывников, - вспоминал старожил города Белорецка Геннадий Митрофанович Сидоренко, - провожали их, как на фронт. Кто-то плакал, кто-то совал в руки узелок с кральками и шаньгами. Какая-то женщина плотно, по-крестьянски сложенная, в красиво сидящих на ногах сапожках, напутствуя юношу,

худущего, подстриженного наголо, с торчащими в сторону ушами, выражала свои пожелания словами:

- Ну, Васька, раз уж из тебя в колхозе ничего не вышло, возвращайся капитаном!

32

Потом призывники строились в колонну по четыре и под звуки «Рио-Рита», доносившиеся из парка, уходили на станцию узкоколейной железной дороги. Вновь становилось тихо и малоллюдно в районе Дома обороны. Важно прогуливался по полянке петух. Дядя Володя Антипин вез со своими сыновьями по булыжной мостовой бочку воды из водокачки. А какие-то босоногие ребята пытались через ограду огорода Крашенинниковых достать растущие на грядке стручки бобов и гороха.

В начале 50-х годов в Белорецке не существовало ни одного крытого стрелкового тира. Преподаватель физкультуры десятой школы, чемпион города и тренер по спортивной гимнастике, замечательный педагог Леонид Илларионович Еремеев, приспособил под стрелковый тир пустующий подвал Дома обороны. В результате чего школьники получили возможность по-настоящему овладевать стрелковым оружием и хорошо подготовиться к службе в армии. Не случайно, что ученики Л.И. Еремеева: Петр Кондратьев, Сергей Мироненко, Владимир Соков и Владимир Чурсин уже на первом году службы в Вооруженных Силах имели по несколько благодарностей от командования. А Игорь Ракитин на втором году службы, будучи командиром орудия в Московском округе ПВО в экстремальной ситуации, когда спасовали даже офицеры, открыл огонь по воздушной цели. За что его лично принял генерал армии, будущий маршал Советского Союза Батицкий, объявил благодарность и наградил краткосрочным отпуском с выездом на Родину. Другой его ученик, Борис Корольков, дослужился в ВВС до генеральского звания.

Неплохо готовили призывников к военной службе и в других школах города Белорецка. Отраднo было слышать, как в 1956 году на партийно-комсомольском активе Уссурийского гарнизона на Дальнем Востоке, замполит 9-го отдельного авиационного полка связи гвардии подполковник Кротов заявил, что он со многими новобранцами хоть сейчас готов идти в разведку и назвал имена белоречан: Геннадия Валавина, Сергея Хлынова и Алексея Левченко. В других войсках отлично себя зарекомендовали бывший авиамоделист Анатолий Алопин и разносторонний спортсмен Анатолий Брюханов – все они получали первоначальную военную подготовку в добровольных оборонных обществах.

Прошли годы. В конце июня 1999 года мы в составе группы челябинских туристов посетили Белорецк. Дом обороны предстал перед нами в сильно обветшалом виде. В нем долгие годы размещалась типография и редакция газеты «Белорецкий рабочий». Теперь он вновь передан оборонному спортивно-техническому обществу, занимающему левую часть здания. У входа в него появилась скромная мемориальная доска с выбитыми на ней именами бывших курсантов Белорецкого аэроклуба: П.В. Алексеева, И.А. Антипина, Е.И. Губина, К.К. Латыпова, И.В. Оглоблина, А.В. Пашкевича, А.А. Фаткулина, ставшими в годы войны Героями Советского Союза, ценою жизней своих добывшими победу 1945-го года.

В другой половине здания оконные проемы заколочены досками крест на крест. Зданию требуется ремонт, а средств нет. Не звучит больше музыка и в парке металлургов, бывшим когда-то чудесным уголком отдыха в городе. Теперь он находится в заброшенном состоянии, в нем разрушены не только танцевальная веранда, но и парковые скульптуры вывезены на свалку. Исчезли скамейки бильярдный и читальный павильоны, а на пионерской аллее кто-то посадил картошку. Но самое печальное, что нет уже в живых многих героев Дома обороны. Об этом мы узнали, читая надписи на могильных плитах городского кладбища за Укшуком: «Военрук десятой школы П.К. Лебедев, летчик-инструктор К.И. Волков, руководитель авиамodelьного кружка В.В. Панфилов и уже совсем безвременно ушедшие: Борис Антипин, Вениамин Ракитин, Юрий Сафонов, Владимир Волчицкий, Юрий Юсев. Среди множества знакомых и незнакомых имен мы старались найти имя бывшего активиста ОСОАВИАХИМА и ДОСФЛОТА Владимира

33

Нужина, удивлявшего в 50-е годы даже видавших виды артистов цирка тем, что, выступая на спортивных вечерах во дворце культуры металлургов, он заканчивал свои силовые упражнения эффектным номером. Привязывал к двухпудовой гире веревочку, брал ее в зубы и под неопиcуемый восторг зрителей перебрасывал гирию через голову. Искали долго, но не нашли.

В конце дня, проходя по улице Уфимской, которая показалась нам непривычно пустынной, местами заросшей полынью. Нигде невидно было ни одной живой души и не гоняли здесь, как бывало, футбольный мяч самые многочисленные когда-то жители этой улицы – мальчишки. Взглянув в сторону горы Малиновка, мы увидели, как после захода солнца засветились из-за ее гребня, расходясь веером, широкие полосы и засияли всеми цветами радуги. Старожилы пояснили, что такие явления в горах наблюдаются наиболее часто во времена кризисов, когда в стране есть проблемы. Природа своим многообразием

и величием словно напоминает людям об их долге объединиться, изгнать супостата, сохранить мир и не допустить большого пожара.

Веер солнечных лучей венчал малиновку недолго, постепенно он растворился в багровом зареве вечернего заката и угас вместе с уходящим в историю еще одним днем беспокойного XX века.

«МЕТАЛЛИСТ»

До войны «Металлист» был единственным кинотеатром в Белорецке. Он располагался на углу улицы Ленина в центре города и являлся для белоречан не только местом отдыха и встреч с чудесами, но и местом, где можно было прикоснуться к прошлому и настоящему. Демонстрация в нем кинофильмов «Семеро смелых», «Комсомольск», «Чапаев», «Тринадцать» и других шедевров советского кино проходила при переполненном зале. Лихой рабочий парень Максим, роль которого исполнял Борис Чирков в трилогии о Максиме, стал настоящим героем своего времени. Заводские окраины, проблемы и быт их обитателей, показанные в фильме «Юность Максима», настолько точно совпадали с белорецкими, что, казалось, жизнь на экране и жизнь вне зрительного зала являются продолжением друг друга. А песня, исполняемая Максимом «Крутится, вертится шар голубой...», сошла с экрана и долгое время оставалась самой популярной в городе. Она звучала в заводских цехах, в парке «Металлург» и во время веселых застолий. Не изменилось отношение зрителей к этим фильмам и во время войны с фашистской Германией, но в этот период особый интерес стал проявляться к фильмам на военную тему.

Вечерние сеансы в «Металлисте» для взрослых начинались в 18, 20 и 22 часа. Детям были отданы сеансы с 10, 12, 14 и 16 часов. В дневные сеансы становилось невероятно шумно в кинотеатре. В кассовом зале юные кинозрители, оказавшиеся в войну наполовину беспризорниками, с утра атаковали билетную кассу. Не признавая очередности, на правах сильного, отжимая друг друга, они боролись за право приобрести билет в кино. Администрация кинотеатра, желая приучить своих зрителей покупать билеты по очереди, распорядилась устроить вдоль стены кассового зала барьер из металлических труб с таким расчетом, что между стеной и барьером мог пройти только один человек. Но и это не помогало. Возле кассы все равно образовывалась толпа. Наиболее «отважные» по головам этой толпы пробирались к кассовому окошечку и покупали заветные билеты. Обладатели билетов задолго до начала кинофильма

собирались в фойе кинотеатра, рассматривали нарисованные масляными красками прямо по штукатурке стен картины, отображающие фронтовые эпизоды боев на суше, на море и в воздухе. Прислушивались к доносившимся из кинозала звукам. О чем-то вели между

34

собой оживленные беседы. Когда же раздавался звонок, все бегом, обгоняя друг друга, устремлялись в зрительный зал, чтобы занять места поудобнее. На места, указанные в билетах, никто не обращал внимания, они признавались лишь на вечерних сеансах, и то не всегда. Кинозал был нешироким, но значительным в длину. Впереди, слева и справа возле экрана, стояли динамики в виде больших ящиков с щелевидными решетками. А над динамиками висели планшеты, один — со словами В. И. Ленина: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино». А с другой — со словами И. В. Сталина: «Кино в руках советской власти представляет огромную неопределимую силу».

Гас свет. По существующим в те годы правилам перед началом кинофильма производился показ киножурнала «Новости дня», кратко рассказывавшего о событиях, произошедших в стране и в мире. Впоследствии эти киножурналы послужили прообразом телевизионной программы «Время». После киножурнала на минуту включался свет. Открывалась дверь в фойе, в зал толпой вваливались опоздавшие зрители, рассаживались, после чего начинался кинофильм. Иногда во время демонстрации фильм вдруг обрывался.

Слышно было, как хлопает падающая противопожарная заслонка, перекрывающая на всякий случай кинопроекторные проемы кинобудки. Зал погружался в темноту и взрывался свистом, топотом ног и криками: «Сапожники, свету!». В зале включалось электроосвещение. Шум моментально прекращался. Устанавливалась тишина. Яркий свет слепил глаза. И в это время впереди кто-то кричал: «Деру-у-тсья!» С задних рядов зрители поднимались с мест, вытягивали шеи, чтобы посмотреть, кто там дерется. Но вновь гас свет, и фильм продолжался.

Однажды по Белоречку прошел слух, что какая-то старушка из Нижнего селения во время кинофильма увидела на экране своего сына, накануне ушедшего на фронт. После этого к кинофильмам о войне интерес еще больше возрос. Люди семьями приходили в «Металлист» с надеждой увидеть на экране своих близких, сражающихся на фронте. Как-то после демонстрации фильма «Два бойца» из кинотеатра вышла девочка-дошкольница, которая жила на улице Кирова. В стоптанных туфельках, в заштопанных в нескольких местах чулках, она, опустив голову, шла по деревянному тротуару и плакала.

— Ты что, девочка, плачешь? — спросила ее пожилая женщина.

— От папы с фронта давно писем нет. Я его хотела в кино увидеть и опять не увидела, — не поднимая головы, ответила девочка.

— Не плачь, твой папа обязательно вернется с фронта, — пыталась успокоить девочку женщина.

Кончилась война. В фойе «Металлиста» перед началом вечерних сеансов стал играть эстрадный оркестр. Про его элегантно одетых музыкантов, со сверкающими в электрическом свете инструментами в руках, говорили, что это русские эмигранты, возвратившиеся из Китая, где они работали в знаменитом оркестре Олега Лундстрема. А в репертуаре кинотеатра стали появляться иностранные приключенческие фильмы. Перед их началом на экране загорались крупными буквами титры: «Этот фильм взят в качестве трофея после разгрома немецко-фашистских войск под Берлином», заставлявшие вздрогнуть кинозрителя, неожиданно напоминая ему о военном лихолетии. Чтобы посмотреть один из таких кинофильмов под названием «Железная маска» про кардинала Ришелье, министра Кольбера и бравых мушкетерах, мы, обманув контролершу, сумели проникнуть в кинозал без билетов и увидели ту девочку с улицы Кирова, вошедшую в зал в сопровождении папы и мамы. Втроем они сели впереди нас. Папа поправил бантик на голове девочки. Девочка с гордостью посмотрела в нашу сторону. Мы же — ребята, оставшиеся после войны без отцов, — завидовали этой девочке, радовались за нее и продолжали надеяться на то, что и наши отцы вернуться живыми, и мы тогда, как эта девочка, не будем думать, где раздобыть денег на билет в кино или на мороженое.

Кинотеатр «Металлист» просуществовал до 1956 года. Когда в городе было построено новое современное здание кинотеатра «Металлург», «Металлист» закрыли. И

35

сразу опустела площадка перед его входом, быстро зарос травой и кустарником сквер со стороны улицы Ленина, да так, что не стало видно установленного в нем памятника В. И. Ленина. Заброшенность и запущенность восторжествовала в этом районе. Но каждый раз, проходя мимо «Металлиста», мы замедляли шаг, всматривались в старое, покинутое всеми здание кинотеатра и вспоминали, как в далеком детстве здесь впервые увидели своих кумиров: Василия Ивановича Чапаева, Павку Корчагина, Александра Матросова, Зою Космодемьянскую, молодогвардейцев во главе с Олегом Кошевым, и отказывались верить в то, что «Металлист» закрыт навсегда. Нам представлялось, что образы, созданные великими советскими киноартистами, продолжают жить в этом закрытом наглухо кинотеатре. Как выяснилось позднее, мы в этом были неодинокими: мальчишки нового поколения уверяли нас, что если приложить ухо к обитой жести двери «Металлиста», то можно услышать внутри здания цокот копыт конницы Буденного или крики атакующих Сапун-гору красноармейцев.

В конце девяностых годов здание «Металлиста» разобрали, и на его месте возник еще один рынок, где теперь каждый день толпятся покупатели. А в городе продолжается жизнь по новым законам. Люди с недоумением спрашивают друг друга: «Почему вместо строительства новых промышленных предприятий теперь закрываются производства на старых градообразующих заводах?» Старики обижаются, не могут понять, за что их лишают льгот, предусмотренных законом о ветеранах. Молодые люди, потерявшие работу и оказавшиеся среди безработных, в растерянности. И очень не хватает среди них того лихого рабочего парня, которого звали Максимом.

ОРУЖЕЙНЫХ ДЕЛ МАСТЕР

Зоя Боброва и Коля Бобров были брат и сестра, они сидели за одной партой 1-го класса «Б» школы №10. Зоя училась на 4 и 5, а Коля вскоре прославился как оружейных дел мастер. Шел 1944 год. На металлургический комбинат в годы войны с фронта потоком прибывали эшелоны с металлоломом, который разгружали в копровом цехе на окраине города. Разбитые танки и пушки – в одном месте, обломки самолетов – в другом, а мелкое стреловое оружие – с края, между дорогой и картофельным полем. Для мальчишек города Белорецка копровый цех превратился в небывало притягательное место, где можно был найти все. Конечно, взрослые запрещали им появляться там, препятствовали, но мальчишки, проявляя солидарность друг к другу, вооружались «до зубов», в войну играли только настоящим оружием.

Консультантом же по сборке и ремонту оружия, как-то совсем незаметно, утвердился Коля Бобров. Его семью тоже коснулась война, опустела слесарная мастерская в доме по улице Кирова, в котором он жил, поэтому Коля беспрепятственно получил доступ к слесарному инструменту. Вечером, когда Зоя садилась решать задачи по арифметике, Коля со своим другом Володей Рябовым в слесарной мастерской начинал работать с очередной принесенной с копров партией оружия. Бабушка Николая все это видела, ругалась, но поделаться ничего не могла. Иногда, когда у Николая из тисков срывался боек с пружиной от затвора немецкой винтовки, с треском летел вверх и втыкался в деревянный потолок, бабушка у печки вскрикивала от неожиданности: «Ох! – роняла ухват из рук, приседала почти до самого пола со словами, - окаянный, что ты делаешь?» Но Николай считал, что оружие это не бабье дело и продолжал работу. За пять-десять минут он любого одноклассника мог научить разбирать винтовку или автомат на отдельные части и быстро собирать их.

Сейчас, когда прошло много лет, удивляешься, как это первоклассник мог самостоятельно овладеть вобщем-то не простым даже для взрослых людей делом. Тогда в школе №10 учителя и товарищи по классу пророчили ему быть оружейных дел мастером.

36

Но оружейником он не стал. Пошел работать на БМК, где трудился до выхода на пенсию. Работал много и с большой отдачей. В завкоме о нем говорили: «Очень нужный для производства специалист, на таких, как он, завод держится».

- Ну, а как насчет оружейных дел? – спросили однажды у Николая.

- Если когда-нибудь потребуется, мы это дело быстро освоим,- ответил он, улыбаясь, и добавил,- тот, кто зубы точит на Россию, пусть в этом не сомневается

ЕЛОЧНЫЕ ИГРУШКИ

Однажды, когда мне было уже четыре с половиной года, я заметил, что дверь в соседнюю комнату нашей квартиры почему-то закрыли и меня в нее не пускают. А вечером дверь открылась и в сопровождении родителей я вошел в комнату, освещенную тусклым призрачным светом. Через оконные стекла просматривались деревянные ставни, закрывавшие окна снаружи, а у стены стояла незаметно принесенная в дом елка, кудрявая и нарядная. На ней в голубых подсвечниках горели свечки и висело множество игрушек: словно притаившийся в тени еловых ветвей покачивался дирижабль, а рядом — серебристого цвета заяц, медведь и братец Иванушка с сестричкой Аленушкой. С другой стороны висел маленький макет книги, на обложке которой восседал на коне всадник в странной одежде и с копьём в руке. «Это Дон-Кихот»,—сказала мама. Таинственным цветом мерцали стеклянные бусы и разноцветные шарики. Наверху елки красовалась красная звезда, а под елкой стоял дед-мороз, весь белый, с посохом и мешком в руках. «В мешке у него подарки»,— пояснил папа.

Это были самые счастливые мгновения жизни. Повториться им не было суждено. Спустя полгода началась война, а еще через месяц умерла мать.

Перед уходом на фронт отец увез меня в Белорецк к деду Максиму, в маленький домик на высоком скалистом берегу реки Белой, из окон которого открывался вид на речку, а далеко за рекой вырисовывались величественные, покрытые темно-зеленым лесом горы, за горами другие горы, почему-то голубые.

1 сентября 1941 года в доме деда последний раз все вместе сидели за обеденным столом. На столе стоял большой самовар, на стене — картина «Запорожцы», возле окна—

керосиновая лампа с разбитым пузырем. Взрослые пили чай и вели серьезный, сосредоточенный разговор. И мне вдруг стало страшно от того, что обед сейчас закончится и отец уйдет. Мне хотелось заплакать, но ведь вот что удивительно, в то время обстановка и отношения между людьми складывались так, что даже мы, малыши, понимали, что плакать бесполезно, отец все равно уйдет, потому что война. И все же, когда взрослые встали из-за стола, я забежал вперед и закрыл входную дверь на крючок.

Отец долго стоял у двери, смотрел на меня сверху вниз, улыбаясь. На нем была серая кепка, короткое осеннее пальто нараспашку. Он поднял меня до самого потолка и потихоньку запел: «Мы простимся с тобой у порога и, быть может, навсегда...» А потом открыл дверь и вышел из дома. Дядя Петя пошел его провожать, а мы бросились к окну и, уткнувшись носами в оконное стекло, смотрели вслед уходящим. Возле угла ограды отец последний раз оглянулся и помахал нам рукой.

А затем почти каждую неделю приходили от него письма. В конце июля 1942 года пришло последнее письмо, вслед за ним извещение «Пропал без вести...» Плакала бабушка, угрюмо сторбившись, сидел дед. «Пропал без вести» это еще не похоронка, может быть, после войны вернется. Потянулись томительные дни ожидания окончания войны.

В те годы всего не хватало, в том числе и электроэнергии, лампочки в домах едва-едва светились. В зимние вечера, когда топили голландку, от горящих дров становилось тепло и светло у печки. Часто я вытаскивал на свет из-под стола посылочный ящик со

37

знакомыми елочными игрушками и перебирал их, рассматривая картинки на флажках, палатку папанинцев, гондолу стратостата с большими буквами «СССР» и переливающиеся сказочными огоньками стеклянные шары, при этом как бы соприкасался с частицами прошлого, которое, казалось, обязательно вернется после того, когда отец придет с фронта.

Кончилась война. Пришел с фронта дядя Ваня, брат отца. Вскоре он женился и ушел жить на соседнюю улицу к жене, к тете Вере, у которой был сын Валерий, мой ровесник, и мы с ним быстро подружились. Я часто ходил к ним в гости. На Новый год они решили устроить елку, а игрушек не хватало. «Так возьмите наши»,— предложил я. И вот спустя пять лет игрушки вновь засверкали на елке. Какие они были красивые и родные, но в целом выглядели почему-то сиротливо, и я с нетерпением ждал, когда кончатся новогодние праздники и можно будет игрушки взять обратно. Наконец, этот день наступил. Узнав об этом, Валерка, сидящий на сундуке, вдруг зашмыгал носом, готовясь

заплакать: игрушки тоже понравились ему. Тетя стала его успокаивать. А потом повернулась ко мне и строго сказала: «А зачем ты их хочешь забрать? Это наши игрушки».

Я шел домой по узенькой протоптанной в снегу тропке мимо изб с покрытыми снегом, словно ватой, крышами, не в силах от обиды сдержать слезы. «Как же так, ведь тетя теперь стала нам родная,— говорила бабушка. — Ну ладно, вернется отец, купит новые игрушки». Но отец не вернулся.

Прошло много лет. Работая на строительстве блюминга 1300 на Челябинском металлургическом заводе, я получил письмо из Белорецка, в нем сообщалось, что Валерий, завершив обучение в аспирантуре, получил назначение на работу в Москву, и вся семья готовится к переезду вслед за ним. «Поеду в Белорецк, заберу елочные игрушки, теперь-то они уж никому не нужны», — решил я.

И вот родной Белорецк, бревенчатый дом с террасой, где жил дядя. Во дворе и в доме — узлы и чемоданы, подготовленные к отправке.

- «А, елочные игрушки?— переспросила тетя не то с удивлением, не то с сожалением. — Так ведь мы давно их в мусор выбросили». И как ни в чем не бывало продолжала заниматься своим делом.

Я вышел на террасу. С нее открывался вид на огороды со спелыми подсолнухами, на разноцветные крыши домов и на горы. С гор, между деревьев, извилистой лентой сбегала вниз дорога, по которой в 1918 году спустился сюда дед Максим в рядах красноказачьего отряда Ивана Каширина. А в 1941 году по этой дороге отец привез меня в Белорецк. И по этой же дороге мне предстояло завтра ехать обратно в свою жизнь с массой проблем, маленьких побед, неудач, радости и печали.

ПЕРВОМАЙ 1942 ГОДА

Первомайская демонстрация на Урале, в небольшом заводском городе Белорецке, в 1942 году проходила несколько иначе, чем в настоящее время. Колонны трудящихся заводов, ремесленного училища, школ ФЗО, других предприятий и учебных заведений собирались на центральной площади города, которая располагалась между Дворцом культуры металлургов и старым зданием почты и была ограждена ажурным бело-голубого цвета штaketником. Демонстранты занимали определенные для них места перед трибуной и слушали выступления ораторов. Поскольку микрофонов и громкоговорителей тогда не было, слышимость была очень плохой: до стоящих в последних рядах доносились лишь отдельные слова и обрывки фраз.

С краю, почти у самого штакетника, обращал на себя внимание молодой человек на костылях, одетый в новенький черный костюм. Такие костюмы в предвоенные годы

38

«справляли» лишь юношам, достигшим совершеннолетия. Жил он недалеко, на соседней улице. Совсем недавно его с песнями и слезами провожали на фронт. Не прошло и года, как он вернулся, но без ноги. Отперевшись на костыли, он внимательно вслушивался в долетающие с трибуны слова выступающих. А когда митинг закончился, и колонны демонстрантов пришли в движение, его, вероятно, кто-то нечаянно толкнул, или он сам шагнул, забыв, что ноги-то нет, и упал. От отчаяния и обиды он в щепки разбил о землю свой костыль, стучал кулаками по земле и рыдал. Вокруг него сомкнулась толпа людей. Его пытались поднять, успокоить, причитали старушки: «Да что же ты так, сынок, убиваешься, ведь живым же вернулся...»

С площади медленно выходили демонстранты. Люди заполняли улицы и переулки. Звучал духовой оркестр. Весело звенели ребячьи голоса. И лишь серьезные озабоченные лица взрослых напоминали, что где-то там, далеко, полыхает война.

ЛЕШКИНЫ КУБОМЕТРЫ

Первые дни занятий в первом классе школы № 10 в 1944 году начинались так. Учительница Капиталина Петровна давала задание: «Все, у кого есть ручки, положите их на парту, чтобы я видела». И проходила по рядам со словами:

- Так, у Саша Панова ручка есть. Вот какая хорошая ручка у Клавды Гуценской. Валя Маврина, а где твоя ручка?

- А у меня ручки нет.

- А у тебя, Паша Суханов?

- У меня тоже ручки нет.

И вдруг, Капиталина Петровна остановила свой взгляд на парте, за которой сидел Лешка Зубков, быстро подошла к нему, взяла его ручку, подняла высоко над головой, чтобы все видели, и громко сказала: «Так вот же как надо».

Первый класс был переполнен, за партами сидело по три человека. У большинства первоклассников отцы находились на фронте, у некоторых не было вообще родителей, они жили у бабушек и дедушек. А вот у Лешки Зубкова не было ни мамы, ни папы, ни бабушки, ни дедушки. Жил он недалеко от кладбища в доме у дяди. Шла война, ручки в продаже отсутствовали, а учиться писать надо чем-то. Дядя подарил ему ручку, но Лешка

ее где-то потерял, просить у дяди повторно — побоялся. Поэтому взял лучинку, которой разжигают самовар, выстрогал из нее палочку и обыкновенной ниткой привязал перо к палочке. Так у него получилась ручка, которая очень понравилась Капиталине Петровне.

Лешка после 7 класса поступил учиться в Белорецкое училище механизаторов широкого профиля, успешно окончил его. После службы в армии работал машинистом бульдозера на стройках Южного Урала. Но в жизни ему не повезло, он погиб во время пожара, оставив после себя горы перемещенного, перевороченного грунта в виде тысяч кубометров насыпей железных дорог, промышленных площадок, оснований жилых домов. Но об этом уже мало кто сейчас вспоминает.

МЕЧТАЛИ О СКОРОЙ ПОБЕДЕ

О первокласснике Кольке Кориневском говорили: «Неусидчивый, шустрый, как шило». Поэтому посадили его за парту с Галей Деминой, рассчитывая, что Галя будет оказывать на него положительное влияние.

У Кольки был дедушка. Дедушка очень любил своего внука, заботился о нем, каждую неделю плел ему новые лапти. Лапти получались красивые, удобные, легкие. Плохо было только то, что Колька их очень быстро изнашивал — по причине живости своего характера. Тогда дедушка проявил смекалку и стал при плетении между лыко пропускать

39

медную проволоку, лапти становились прочнее, а срок их носки увеличивался в несколько раз.

Однажды Колька прибежал запыхавшись и сообщил: «У военкомата Берлин вывесили».

Военкомат располагался по улице Ленина напротив входа в парк металлургов. Возле военкомата на зеленый штакетник был прикреплен большой планшет с изображением карты окруженного советскими войсками Берлина. Каждый день на карте обновлялась информация, перемещались флажки и проставлялось расстояние от линии фронта до Берлина, кольцо вокруг которого быстро сжималось. Но когда осталось всего 72 километра, фронт вдруг остановился и не двигается вперед, хоть плачь. Много дней подряд после уроков с заветным желанием по деревянному тротуару мы мчались к военкомату и, не увидев на карте никаких изменений, уныло брели домой.

Мы уже начинали разочаровываться в нашей армии, как однажды, солнечным весенним утром, облетела все уголки города весть: «Берлин взят! Конец войне!»

И схему окруженного Берлина со штакетником у военкомата сняли.

ВОЙНА И ШКОЛА

Первоклассники в годы войны были такими же маленькими, как и теперь, только писали на уроках не шариковыми ручками, а перьевыми. Поэтому в школу носили с собой чернила в пузырьках, закрывающихся самодельными пробками. Чернила изготавливали из химических карандашей, измельчая их и растворяя в воде. В крайнем случае, растворяли в воде сажу, получая чернила ярко-черного цвета. Но сажа имела недостаток: после высыхания написанное ею осыпалось и становилось едва заметным; зато исписанные такими чернилами тетрадки можно было использовать повторно, например для рисования.

Из-за проблем со стеклом часть оконных проемов в школе заделывались деревянными щитами, утепленными войлоком. В классах с такими окнами не хватало света. В войну многого не хватало. Иногда во время уроков в класс вносили поднос с маленькими кусочками ржаного хлеба, посыпанными сахарным песком, и разносили по рядам, каждому по кусочку. Таким образом, взрослые поддерживали школьников, отрывая хлеб от своего пайка.

За каждой партой в классе сидело по три ученика. Всех их объединяла война, примерно так, как нас с Юрием Юсевым, моим соседом по парте. Нам обоим на отцов не приходили с войны похоронки, а только извещения о том, что они «пропали без вести». Поэтому у меня оставалась хоть маленькая, но надежда на то, что после войны отец вернется. У Юрия такой надежды почти не было, потому что наш военрук Павел Кузьмич Лебедев, пришедший после ранения с фронта, служил вместе с его отцом и рассказал очень печальную историю о последней встрече с ним. «Мы тогда находились в отступлении,— говорил Павел Кузьмич,— я командовал комендантским взводом, а старшина строевой роты Юсев пришел к нам с четырьмя солдатами получать обед, и в это время начался артоналет. Старшине Юсеву взрывом оторвало обе ноги до колен. Мы как могли, перевязали и закутали ватой то, что осталось от ног старшины, погрузили раненых в грузовик, и машина помчалась, виляя между воронками от снарядов, стремясь как можно скорее покинуть зону обстрела, увозя отца Юрия в неизвестность. — Помолчав, как бы оправдываясь, что не сумел уберечь своего земляка, Павел Кузьмич продолжал, — в тех боях почти вся наша часть оказалась уничтоженной. Правда, и мы положили немцев немало. Мне однажды пришлось срочно доставлять пакет в штаб через обстреливаемое со всех сторон поле, которое было буквально усеяно трупами немецких солдат, уже раздувшимися и извергающими зловонье. Я тогда фактически больше не между трупов, а

прямо по трупам полз, так много их было набито. После этого я дня три не мог пищу в рот брать».

Павел Кузьмич преподавал в школе военное дело, учил нас маршировать, равняться, поворачиваться на месте, объяснял, чем отличается фугасная бомба от осколочной и почему нужно обязательно падать на землю при артобстреле. Все с нетерпением ждали его уроков. Он заходил в класс бравый, подтянутый, в аккуратно подогнанной командирской форме. Мы смотрели на него, как на пришедшего оттуда, где остались наши отцы, и мысленно приобщались к тем событиям, в которых он участвовал на фронте, при этом появлялось желание поговорить с ним о войне. Однажды после уроков такая возможность представилась. И он рассказал нам, но не про лихие атаки и рукопашные схватки, а про необыкновенную охоту: «Под Ельней на некоторое время установилось относительное затишье. Но все чаще и чаще нас стал беспокоить немецкий снайпер, засевший где-то на деревьях метрах в восьмистах от наших позиций. Обнаружить его по звуку и с помощью бинокля не удавалось, а среди нас находился старший лейтенант, бывший таежный охотник. Он и предложил мне сходить на охоту на «кукушку» (так еще с белофинской войны именовали снайперов). Мы понимали, что, если нас обнаружит враг, обратно живыми вернуться нам не удастся, поэтому, чтобы сильно не шуметь, прихватили с собой спортивную малокалиберную винтовку. У нее убойная сила достаточная, а выстрел сопровождается звуком, не характерным для фронта.

Сделав большой обход с фланга, мы вошли в лес и осторожно продвигались на звуки выстрелов. Не скоро, но обнаружили гнездо снайпера на сосне, а со стороны немецкой обороны к гнезду два поваленных дерева образовывали что-то вроде наклонного трапа, то есть снайпер обосновался капитально. Не торопясь, определили расстояние — 50 метров. Старший лейтенант долго целился из малокалиберки, наконец, нажал на спусковой крючок. Голова снайпера словно дернулась, вылетела из его рук и полетела вниз винтовка, а за ней и он сам шмякнулся с дерева. Соблюдая осторожность, мы этим же путем вернулись обратно на свою сторону. Судя по реакции противника, он даже не обратил внимание на выстрел из малокалиберки».

Павел Кузьмич долго работал в школе. Перед уходом на пенсию возглавлял хозяйственную часть и числился в системе горотдела образования на хорошем счету.

Много лет спустя, работая на ударных комсомольских стройках Челябинска, во время летних отпусков мы часто приезжали в Белорецк, в город своего детства. И всегда, прежде

всего, стремились побывать в своей школе. Наверное, потому, что дедушек и бабушек, заменивших нам родителей в годы войны, уже не было в живых, а школа, которая являлась для нас вторым домом, стояла, как прежде.

Прямо с автовокзала мы проходили по Выселкам вдоль бревенчатых домиков с резными карнизами и ставнями, спускались по крутому скалистому берегу к реке на пешеходный мост, где когда-то стояла деревянная водяная мельница, переходили на другой берег и оказывались возле своей старенькой, из красного кирпича, двухэтажной школы № 10, казавшейся нам когда-то очень большой и просторной.

Павел Кузьмич, ставший совсем седым, брал связку ключей, открывал все классы и сопровождал нас по всей школе. Каждый из нас искал и находил свою парту. После чего на какой-то миг в классе устанавливалась абсолютная тишина. Казалось, что вот-вот сейчас зазвенит звонок, и коридор сразу же заполнится хлопанием дверей, топотом ног и криками ребят. Но это только казалось...

ПИОНЕРЛАГЕРЬ «БУГАНАК»

Первый послевоенный пионерский лагерь для нас школьников был организован в поселке Буганак. Тогда не было еще специальных помещений, и спальный корпус

41

пионеров располагался в переоборудованном на лето деревянном амбаре, тщательно вымытым и побеленным известью до самых стропил. Подготовили лагерь для приема пионеров группа пленных женщин из Германии, они жили в бревенчатой избушке, рядом с нашим лагерем, трудились в совхозе и ничем внимание к себе не привлекали. А чуть дальше стояла кузница, в ней работали два пленные немца-мужчины, подковывали лошадей и выполняли другие кузнечные работы. Когда к ним подходили взрослые, они беседовали с ними вполне нормально, когда же появлялись мы, то пленные кузнецы проявляли беспокойство и следили за нами злобными глазами.

Однажды мы увидели, как со стороны кузницы, поднимая пыль, бегут двое наших ребят из средней группы, а за ними гонится один из пленных. Ребята перелезли через жерди, ограждающие территорию лагеря, но и пленный легко преодолел эту преграду. Мы изрядно перетрусили. Почему-то подумалось тогда: «Как хорошо в кино, там, как не злодействует фашист в начале фильма, твердо знаешь — в конце сеанса обязательно погонит его Красная Армия. А тут вот он разъяренный, тяжело дышит, а вокруг одни малыши и то девчонки».

Вздых облегчения вырвался у всех, когда мы увидели, как, перемахнув через перила террасы, начальник пионерского лагеря бросился наперерез пленному. На середине площадки они встретились. Наш начальник, недавно вернувшийся с фронта, был в военной форме, подпоясан офицерским ремнем, скрестив руки на груди, внимательно слушал пленного, а тот, задыхаясь от негодования, что-то говорил и говорил.

А после ужина, на вечерней линейке, нам сказали: «Кидаться камнями не надо». И сразу стало понятно, почему кузнецы-немцы так недружелюбно на нас поглядывали.

Примерно через неделю к избушке, в которой жили женщины из Германии, подъехала старенькая полуторка. Радостные, сияющие, счастливые женщины стали выносить связанные в узлы свои вещи и грузить их в автомашину. Срок пребывания их в СССР закончился, они уезжали к себе на родину. Мы, пионеры, столпившись, стояли рядом и наблюдали. Женщины старались на нас не обращать внимания, побаиваясь, а вдруг начнут камнями кидаться. Погрузив вещи, они сами разместились в кузове, оставив дверь в свою избушку открытой настежь. Шофер, встав на крыло, проверил хорошо ли разместились пассажиры, сел в кабину, захлопнул дверцу, и полуторка тронулась с места. Мы замахали вслед руками. Женщины, увидев, что пионеры-то не держали «камня за пазухой», дружно, как по команде, встали в кузове во весь рост и стали махать в ответ руками и платками. Они посылали нам знаки прощанья до тех пор, пока полуторка не выехала за пределы села и не скрылась за поворотом...

ДЕТИ ВОЙНЫ

Игорь Ракитин выделялся среди первоклассников военного времени практичностью и деловитостью. Свой портфель носил по военному, на веревочке через правое плечо. В его портфеле, кроме книг и тетрадей, всегда имелись запас перьев и ручек, гильзы от патронов, запчасти к зажигалке и многие другие очень нужные вещи.

Часто в перемену вокруг него собирались одноклассники, чтобы поговорить о фильмах, шедших тогда на экране: «Сигизмунд Колосовский» и «Иван Никулин русский матрос». Игорь со знанием дела анализировал и оценивал события, показанные в фильмах, убеждал ребят в том, что уже сейчас, с малолетства, необходимо учиться драться так же, как герои этих фильмов, а для этого нужно воспитывать в себе не только силу и волю, но и находчивость и смекалку. И Игорь воспитывал в себе эти ценные качества.

Как-то заболевшую учительницу заменил директор школы Виктор Николаевич Лязин. Урок он начал с вопроса: «Поднимите руку, кто не выучил заданного на дом стихотворения?» Не смело подняли руку Гена Сидоренко и Володя Петухов и тут же

получили по единице в журнал. Игорь руку не поднял, сделав вид, что у него никаких проблем со стихотворением нет. «Начнем повторение»,— продолжал Виктор Николаевич и вызвал к доске Сережу Мироненко. Сережа вышел, встал, как учили, пятки вместе, носки врозь и прочитал стихотворение выразительно на одном дыхании. Виктору Николаевичу ничего не оставалось, как поставить ему пятерку. Затем вышла к доске Валя Булавина, она числилась отличницей и тоже успешно справилась с заданием. После нее прочитали стихотворение Володя Рябов, Шурик Балябин и Оля Костенкова. И, наконец, директор, покопавшись в журнале, вызвал к доске Игоря. Игорь немного смутился, но не растерялся, встал и доложил: «Виктор Николаевич, я стихотворение-то выучил, но только не доучил». «Да как это так?» — изумился Виктор Николаевич, опускаясь на стул и разводя руками. И долго объяснял классу, что такого не может быть, уж если выучил, так выучил, а не выучил, так не выучил. А в это время зазвенел звонок, и угроза двойки для Игоря миновала.

Свою смекалку в бою Игорю применять не пришлось. Война вскоре закончилась. Но на трудовом фронте находчивость помогала ему делать большие дела. Он стал отличным инженером и до сих пор работает на Челябинском электрометаллургическом комбинате. На его счету пять серьезных изобретений. Он и сейчас находится в постоянном поиске. «А о годах войны я не могу вспоминать без волнений, — признался в беседе он и продолжал, — в 1943 году мы жили в Белорецке и постоянно не доедали. Как-то я находился дома один, сильно проголодался, а есть нечего было. И я пошел во Дворец культуры металлургов, в котором располагался эвакуированный с запада завод по производству мин и минометов, где работали мои родители. У входа меня остановили:

- Мальчик, ты куда?

- К маме и папе.

- Сюда заходить нельзя!

- А я есть хочу! — Такая моя решительность, вероятно, смутила охранников. Они о чем-то посоветовались, куда-то позвонили, пришел какой-то мужчина и повел меня к отцу мимо строгих часовых с винтовками со штыками...

Сотрудники завода питались в заводском буфете по карточкам. Отец подал свою карточку, получил обед— омлет из яичного порошка, и я быстро с омлетом расправился. Гляжу, а отец сидит рядом за пустым столом, опустив голову, и жадно курит папиросу. Только тогда я понял, что отец-то тоже голодный, и он отдал мне свой обед.

С тех пор прошло более полувека, отца давно уже нет в живых, а я все еще испытываю чувство вины за то, что съел в тот злополучный день его порцию.

Да, детям войны, моим одноклассникам пришлось многое пережить. Они многое видели и много знают. Жаль, что современная молодежь не всегда прислушивается к их советам», — подытожил свой рассказ Игорь Георгиевич Ракитин — металлург с большим стажем, бывший «мальчишка войны».

ШОФЕР ИЗ БАЙКОНУРА

В центре Челябинска инспектор ГАИ остановил автомобиль и попросил документы у водителя. Водитель подал водительские права. «Это что такое?» — возмутился инспектор, на удостоверении стояли чьи-то посторонние автографы.

Получив объяснение, милиционер вернул права, принял строевую стойку, четко приложил руку к козырьку и разрешил следовать далее. А нам вспомнился далекий 1944 год, Белорецк, школа № 10, первый класс и Стасик Данилов на задней парте в среднем ряду. К учебе он не проявлял рвения, но очень любил книги и любил мастерить, вначале игрушки, затем не хитрые изделия, применяемые в быту, много раз собирал и разбираал старый велосипед, просто так менял в нем разные детали. А после шестого класса, когда родители

43

ему купили мотоцикл ИЖ-350, совсем бросил школу. Ему говорили: «Вернись в школу, учись, будешь инженером». А он отвечал: «Не желаю быть инженером, вон у Радика отец инженер, так он обыкновенную калитку в воротах отремонтировать не может, дядю Петю об этом просит, позор. Я хочу научиться все делать сам своими руками».

Свою любовь к мастерству, к технике он пронес через всю жизнь и передал сыну Валерию. «Вон Валерка несовершеннолетний, а уже всеми видами транспорта управлять может», — с гордостью говорил он.

Валерия призвали служить в армию в Байконур и как наиболее подготовленному водителю доверили автобус для перевозки космонавтов к месту старта. Перед стартом космонавты давали автографы обслуживающему персоналу, в том числе и Валерию на его водительских правах. Вот этим правам и отдал честь инспектор ГАИ.

Станислав же, став взрослым, хотел найти свое место на производстве, но его всегда тянуло к свободной деятельности. Он купил домик на окраине Челябинска, на берегу пруда «Коммунар», и завел свое хозяйство. А когда новостройки Северо-западного района вплотную подошли к его дому, переехал в село и стал фермером, не в период перестройки,

а в 70-е годы, когда государство не только не помогало единоличникам, а преследовало их. Но несмотря ни на что хозяйство Станислава крепло. Он работал по простейшей схеме, покупал в столовой пищевые отходы, выкармливал свиней и вывозил мясо на Центральный рынок города Челябинска. Когда в стране развернулись реформы и столовые начали закрываться, нашел себе другое, не менее прибыльное, занятие, на деле доказав, что верно говорят в народе: «Не так важно высшее образование, как среднее соображение». У Станислава растут три внука, двое из них мечтают стать космонавтами.

САНЯ АНТИПИН

Как ни тяжело было в годы войны, а жизнь в тылу двигалась своим чередом. В Белорецкой школе № 10 нашли тогда возможность открыть экспериментальный 1-й класс, набор детей, в который произвели не с восьмилетнего, как было принято повсюду, а с семилетнего возраста. Учеников этого класса так и называли в школе «семилетками».

Среди семилеток выделялся Саня Антипин. На уроках военного дела он всегда стоял в шеренге первым. Хорошо учился. А вне школы организовал уличную футбольную команду и стал ее капитаном. Под его руководством футбол превратился в любимейшую игру ребятишек, несмотря на то, что надутый воздухом футбольный мяч, о котором в то время можно было только мечтать, заменял им клубок тряпья, перетянутый медной проволокой. Наигравшись до «седьмого пота» футболисты шли купаться на речку. Ребята помладше: Володя и Лида Тяжелниковы, Альберт Абдрахимов и другие располагались на высоком берегу и с восхищением наблюдали, как Саня с крутого камня прыгал в воду вниз головой «ласточкой», и во всем старались подражать ему.

Идею начала обучения в школе с семи лет многие педагоги и родители не одобряли, считая, семилеткам в старших классах будет трудно справляться с учебной программой. Но семилетки доказали, что взрослые ошибались. Саня, Александр Владимирович Антипин, например, после окончания института и аспирантуры, опубликовал 46 научных трудов. Долгое время работал преподавателем Хабаровского политехнического института, защитил кандидатскую диссертацию, стал президентом краевой уфологической ассоциации, вплотную приблизившись к разгадке тайн ряда неизученных явлений природы. Свою жизнь на Урале в годы войны он не забывает, с увлечением рассказывает о мельчайших подробностях ушедшего в историю тревожного времени. Вот один из его рассказов:

«Летом 1941 года в Белорецке появилось много мужчин с юга, в длинных халатах и красочных тюбетейках, они должны были заменить ушедших на фронт рабочих

белорецких заводов. Но после первой же суровой уральской зимы эти халаты и тюбетейки на глаза почему-то перестали попадаться. А однажды утром в 1942 году я выглянул из окна и увидел, что напротив нашего дома стоят тяжелые артиллерийские орудия, а возле них суетятся красноармейцы. Стало страшновато. Подумалось: «Неужели немцы так близко подошли к Белорезку?» Но выяснилось, что с запада эвакуировалось в Белорезк артиллерийское военное училище и курсанты без промедления, прямо на улицах города, начали свои занятия.

Жизнь была трудной. Отец работал на металлургическом заводе. Ему полагалось 800 граммов ржаного хлеба в день, нам же, детям и иждивенцам, по 400 граммов. Через некоторое время эту норму понизили соответственно до 600 и 300 граммов, а чтобы получить этот хлеб приходилось занимать очередь в хлебной лавке в 5-6 часов утра.

Самые яркие первые впечатления остались у меня от встречи с беженкой с Украины, невысокой, худощавой женщиной, она говорила о нерадостной обстановке тех трагических военных лет. Но поистине притягательным был почти фантастический ее рассказ о наблюдаемом ею необыкновенном явлении. Этим рассказом, по сути дела, она давала оценку и предопределение событий последующих дней войны:

«А на небе пульсируют сполохи, видны разноцветные осколки, брызги огня, возникающие во время маневрирования, столкновения энергетических образований в разных местах. Среди этого огненного хаоса становились видны два столба: черный и красный. Они энергично перемещались, пульсировали, вращались и от этого небо то чернело, то ярко освещалось белым светом. И вдруг произошло необычное: в какой-то момент столбы столкнулись и черный столб распался. После этого момента преимущество красного столба стало подавляющим и черные обломки постепенно были уничтожены на всем небе».

Ее рассказ произвел большое впечатление на слушателей и быстро распространился по всему городу. Многие люди верили в победу «красного столба», потому что очень желали этого. Таков был душевный настрой поколения войны: до конца верить в победу и непременно победить».

Об этих воспоминаниях А. В. Антипин рассказал во время встречи с ним в Хабаровске осенью 1990 года, когда над зданием краевой администрации уже был вывешен трехцветный флаг, а по Амуру курсировали большие и малые суда с гордо развивающимся на корме красным флагом с серпом и молотом. Так было.

НА ВОЛНАХ ЖИЗНИ

Георгий Степанович Жилинский с детства мечтал стать моряком, ему часто снилось море, сердитые волны, разбивающиеся о скалы, и белый парус на горизонте. В 1944 году 13-летним пареньком он проходил военную службу по месту жительства в качестве воспитанника духового оркестра стрелковой дивизии, дислоцированной в Грузии, где познакомился с двумя матросами с крейсера «Красный Октябрь», пребывавшими в госпитале после ранений на фронте. Жора заслушивался их рассказами и завидовал им.

— Ну если ты очень желаешь быть моряком, то поехали с нами в Одессу, мы уговорим капитана, чтобы он взял тебя на корабль юнгой, — заверили его матросы.

И Жора поехал. Но в Одессе крейсера не оказалось, он ушел в поход. Матросов определили в другую бригаду. А Жора без копейки денег на подножке вагона вернулся обратно домой. На квартиру, где проживали Жилинские, пришел из воинской части старшина и отвел Жору обратно в оркестр. Вся дальнейшая жизнь его оказалась связанной с армией. В каких только торжественных мероприятиях не приходилось ему участвовать. В Белорусском военном округе он играл в оркестре на встречах с К. Е. Ворошиловым и С. М. Буденным. Был награжден медалью «За победу над Германией». А перед выходом на

45

пенсию сам руководил духовым оркестром. В 2002 году ему исполнилось 72 года, но любовь к морю у него не угасала. Все свое свободное время он посвящал моделированию судов и кораблей и дарил их своим внукам. Долго был занят изготовлением модели парусной шхуны «Спрей», дважды обошедшей в XIX веке вокруг земного шара. Порой он просиживал над нею до поздней ночи, а потом ему вновь снилось море и белый парус на горизонте.

ИЗМЕНА

До войны наш город Майкоп отличался спокойной, размеренной жизнью. И когда в августе 1942 года его захватили немцы, мне казалось, что на всех жителей края, без исключения, свалилась одна беда, одно несчастье. Но вскоре пришлось убедиться, что это не так. Однажды от дома к дому разнеслась тревожная весть: «Наших пленных гонят». Мы — ребяташки, вышли их встречать. По широкой асфальтовой дороге двигалась большая колонна попавших в плен красноармейцев, грязных, оборванных, изнеможенных, русских, татар, азербайджанцев, армия-то у нас была многонациональной. А

конвоировали колонну кубанские белоказаки в шароварах с красными лампасами, верхом на конях. Обессиленных, с трудом передвигающих ноги красноармейцев, они нещадно избивали. Русские били русских. Трудно это сознавать, но так было. Наши женщины пытались передать красноармейцам кусочки хлеба, вареную картошку, за что белоказаки стегали нагайками и женщин, а те кричали им вслед:

— Предатели!..

За шесть месяцев оккупации Майкопа мы сполна узнали, что такое неволя, унижение и оскорбление. Вот эту метку на лице оставил мне немец рукояткой пистолета. О жестокостях оккупантов написано немало. Но в германской армии служило много поляков, они относились к местному населению лояльно. Вначале их подразделения были чисто польскими, а потом стали смешанными — половина поляков, половина немцев. Я помню такие эпизоды, когда над кукурузным полем появлялся советский самолет и сбрасывал листовки, поляки, сломя голову, мчались их подбирать, а немцы бежали за поляками и отбирали у них эти листовки.

Польский язык немного напоминает русский и мы часто разговаривали с польскими солдатами и командирами на разные темы. И никогда не слышали от них о трагедии в катынском лесу. А вот когда поляки целыми подразделениями стали переходить на сторону Красной Армии, вот в это время и появились первые разговоры о Катюни. У нас тогда не было сомнений в том, что эта пропагандистская компания исходит от немецкого командования, из ведомства Гебельса, и имеет единственную цель — предотвратить переход поляков на сторону СССР.

Немцы пробыли в Майкопе шесть месяцев. В январе 1943 года они бежали. В город вернулась советская власть. Вскоре меня вызвали на суд в качестве свидетеля. Судили женщину, забыл ее фамилию, при немцах она работала уборщицей в гестапо и, чтобы угодить своим новым хозяевам, подала им список неблагонадежных семей Майкопа. Я видел этот список, он представлял собой обыкновенный лист бумаги, вверху штамп со свастикой и 20 фамилий, написанных корявым почерком, в том числе и нашей семьи. Уровень мышления этой женщины был таков, что она даже не попыталась оправдываться, не догадалась сказать, что мол не я это писала или меня заставили это написать, а во всем призналась. Суд приговорил ее к восьми годам лишения свободы.

Спустя лет десять, в пятидесятые годы, я вновь побывал в Майкопе и видел эту женщину, уже отбывшую срок наказания. Она, как ни в чем не бывало, сидела на лавочке возле своего дома и ничем не выделялась из пестрой массы жителей южного городка.

Невольно подумалось: «А если вновь нагрянет беда, сколько гадостей может сделать эта женщина».

В то время второй моей родиной уже стал Челябинск. С 1955 года по 1968 год я строил Челябинский металлургический завод. А потом 19 лет, до выхода на пенсию, работал на этом заводе вначале слесарем, затем шофером. И всегда, сколько помню себя, занимался общественной работой. События 1991 года, развернувшиеся в стране, я воспринял как личную драму. Как на белоказаков, избивавших пленных красноармейцев, смотрел я на своих бывших заводских и районных начальников из числа тех, которые учили нас, рабочих, жить по-совести, а сами вдруг демонстративно сдали свои партбилеты и начали жить, не вспоминая про совесть. Теперь, когда я встречаюсь с ними на улице, всматриваюсь в их лица и все больше убеждаюсь, что между ними и вышеупомянутой уборщицей из гестапо нет большой разницы.

Вот такую историю из своей жизни рассказал Петр Филиппович Никитин ■— ветеран Челябинского металлургического комбината, несмотря ни на что остававшийся верным своим жизненным принципам: справедливости, коллективизму, стремлению прежде думать о Родине, а потом о себе. Трудности, которые переживает в настоящее время наша страна, он считает временными, так как народ, победивший в смертельной схватке фашизм, невозможно поставить на колени.

СЕРАЯ ШИНЕЛЬ

Наша воинская часть 06826 располагалась на окраине города Уссурийска, по соседству с Комбикормовым заводом, выходя своим тылом на берег небольшой речки Славянки-притока Суйфуна, где солдаты разных призывных возрастов стирали свое имущество. Жизнь в воинской части проходила строго по уставу, от подъема и физзарядки, до вечерней прогулки и отбоя. Тридцатиминутную прогулку по плацу совершали поротно с строевой песней. У каждой роты была своя песня. Третья учебная рота исполняла по инициативе своего старшины Калашникова трудную, но весомую песню:

Матросов наш однополчанин
Прославил Родину свою,
Матросова великий Сталин
Навек оставил в строю.

Наша, четвертая учебная рота по наставлению командира роты капитана Шмелева и старшего лейтенанта Кудина исполняла песню «Серая шинель», в которой рассказывалось о том, как молодой солдат, отслужив срочную службу, возвратился домой и:

«Со слезами гордости,
в лучший угол горницы
мать повесит старую
серую шинель», - звучали слова песни..

В нашей роте были замечательные запевалы: Алексей Левченко, Сергей Хлынов, Геннадий Валавин, призывавшиеся из города башкирских металлургов Белорецка. А рядом со мной шагал волжанин Олег Малышев, он особенно усердно выводил последние слова песни. После окончания трехгодичной службы увольнявшемуся в запас солдату разрешалось взять из верхней одежды или шинель, или бушлат. Большинство брали бушлат, так как он на ватной подкладке мог использоваться в быту на гражданке, а Олег Малышев взял шинель как память о военной службе.

Спустя более полувека, путешествуя по Волге на теплоходе «Мулланур Вахитов», в Нижнем Новгороде на улице Большая Покровская неожиданно мы встретились с Олегом и с трудом узнали друг друга. Обрадовались. Присели на скамейку поблизости красного флага, развивающегося у входа в местный комитет КПРФ. Разговорились. Я

47

поинтересовался, сохранилась ли у него солдатская шинель. В ответ Олег тяжело вздохнул и поведал мне грустную историю.

«У меня ведь мать-то умерла еще до войны, а отец погиб на фронте. В доме деда, где прошло мое детство, теперь хозяйничала тетя-жена брата моего отца. Поэтому я свою шинель с тремя лычками на голубых погонах повесил не в светлый угол горницы, а для сохранности в дальний угол кладовки и уехал поступать в институт. Почти через год я приехал на каникулы. С замиранием сердца подходил к отчому дому, предвкушая о встрече с прошлым и собираясь обязательно примерит свою шинель. Открыл ворота, прошел через двор. Подошел к трехступенчатому крыльечку. И вдруг увидел свою шинель, изорванную в клочья и валяющуюся у входной двери в качестве половой тряпки, об которую вытирают обувь. Трудно передать, что творилось у меня в душе. Радостное, ликующее настроение сменилось на глубоко упадническое. Я тогда впервые прочувствовал по настоящему, что это такое не иметь ни отца, ни матери», - закончил рассказ Олег и опустил голову.

В это время, как в кино, как будто кто-то специально нам подстроил. Мимо нас прошла группа подростков с магнитофоном, из которого неожиданно полилась мелодия песни «Серая шинель». Олег слушал ее, затаив дыхание. А когда подростки удалились, и песня смолкла, я взглянул на Олега и увидел на его старческих глазах слезы. Он плакал.

- Да, это так, минутная слабость,- оправдывался он.

Большая Покровская улица в Нижнем Новгороде во многом повторяет челябинскую Кировку, начинается она от главного входа в Нижегородский Кремль. Через Кремль мы прошли к Волге. Олег проводил меня до самого причала, и долго махал рукой вслед удаляющемуся нашему теплоходу. Я отвечал ему тем же с надеждой, что мы когда-нибудь встретимся с ним еще не раз.

ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ ФОРМИРУЕТСЯ В ДЕТСТВЕ

У каждого человека кроме мамы и папы есть еще Родина, которая не менее родителей влияет на становление духовной составляющей человека, на формирование его характера и закладывает первые кирпичики его жизненных убеждений. Без Родины человек, как квартирант в чужой квартире, а в народе говорят: «Человек без Родины, что соловей без песни».

У Владимира Владимировича Груздева малой родиной является город Славгород на Алтае, расположенный в самом центре бескрайней Кулундинской степи. Весной степь покрывается сочным разноцветьем трав и цветов, а во вторую половину лета от жаркого знойного солнца растительность выгорает и степь приобретает оранжево-желто-бурую окраску. Здесь В.В. Груздев впервые узнал, что такое гроза, увидел, как сверкает молния, услышал раскаты грома. А затем с восторгом наблюдал радугу, как гигантское, разноцветное коромысло, перекинутое через всю Кулундинскую степь. Здесь В.В. Груздев впервые задумывался над мирозданием и смыслом жизни.

Родился В.В. Груздев в военном городке стрелкового полка, где служил его отец, и проживали семьи Красных командиров, 8 декабря 1941 года то есть через четыре месяца после того как его отец заместитель начальника штаба полка капитан Владимир Александрович Груздев, поднятый по тревоге, вместе со стрелковым полком отбыл на фронт начавшейся Великой Отечественной войны. Поэтому своего отца В.В. Груздев не помнит. «Но, фактически, для меня, - рассказывал он, - отец в нашей семье присутствовал всегда.

- Вот папа сделал бы так,- говорила мама и добавляла,- он обязательно вернется.

То же самое говорили мне три мои сестренки Эльза, Нона и Людмила. В результате чего у меня сложилось впечатление, что наш отец где-то рядом. И я всю жизнь ждал его. И сейчас, спустя 70 лет, продолжаю писать письма в разные архивы, искать хоть какую-нибудь информацию о своем отце».

Перед уходом на фронт все офицеры Славгородского полка написали заявления, чтобы две трети их денежного содержания перечисляли их семьям. На эти деньги в годы военного лихолетья матерям было легче «поднимать» своих детей. Когда к кому-то в военном городке приходило письмо с фронта, жены командиров собирались все вместе и коллективно обсуждали вести с полей сраженья. Чтение таких писем не обходилось без слез и тревог.

В 1942 году отец В.В. Груздева уже в звании майора командовал полком. Последнее письмо с фронта он прислал в 1943 году. Но его денежное содержание семья продолжала получать вплоть до 1946 года. до тех пор, пока В.А. Груздева не исключили из списков Советской Армии. После войны ни один офицер Славгородского стрелкового полка не вернулся с фронта живым. И судьба многих из них осталась неизвестной. Скемьи же командиров некоторое время продолжали жить в военном городке. Их дети гордились своими отцами. Во время игр в войну каждый из них исполнял роль своего отца, В.В. Груздев «командовал полком».

В 1947 году семьям погибших офицеров выделили квартиры в Славгороде, а их детям установили хорошие пенсии. Мать Груздевых Раиса Захаровна стала работать художественным руководителем дома культуры. Всех детей погибших офицеров военкомат взял на учет. Каждый год обеспечивал их бесплатными путевками в пионерлагеря, оказывал материальную помощь, распределял присланные зарубежными друзьями подарки.

« В 1947 году отменили хлебные карточки,- продолжал свой рассказ В.В. Груздев,- на улицах города стали продавать морс. Как-то мы стояли возле лотка и наблюдали, как продавец ловко разливала покупателям красную сладкую воду в стаканы. Было жарко. Хотелось пить. А у нас денег, конечно же, не было. И вдруг стоящий рядом фронтовик в фуражке с красной звездой, наградами на груди, подзывает нас к себе и и покупает каждому из нас по стакану морса. Так первый раз в жизни попробовал я морс, а день этот для меня стал почти праздником.

Каждый год 1 апреля мы с нетерпением ждали снижение цен. Рассматривали в центральных газетах перечень товаров и насколько процентов они становились дешевле.

И хотя на билеты в кино цены тоже снижались, копеек же на посещение кинотеатра у нас все равно не было. Но была у нас смекалка, мы подбирали использованные билеты в кино и оторванные от них контрольные корешки, тщательно подгоняли их друг к другу и приклеивали. Контролеры кинотеатра не всегда замечали подделку. Так я посмотрел кинофильмы «Тарзан», «Кубанские казаки» и другие.

На Колхозных полях Славгородского района вызревал неплохой урожай зерновых. После уборки урожая пшеницы при транспортировке ее на элеватор из-за ветхости автомашин часть зерна высыпалась на обочину дороги. Собирать с дороги ее взрослым славгородцам запрещалось, так как колхозники эту пшеницу впоследствии подбирали сами, а на нас, малышей никто не обращал внимание. Набрав полные карманы зерна, мы приносили его домой, очищали от мусора, мама перерабатывала его на ручной мельнице и пекла нам изумительно вкусные булочки и лепешки.

Однажды мы, находясь на возвышенности, наблюдали как большой, багровый диск солнца, минуя колокольню церкви «Рождество Богородицы», медленно опускался к горизонту, коснулся его и горизонт окрасился ярко-оранжевыми красками.

- Солнце ушло на Запад, туда, куда ушел на фронт наш папа,- пояснила сестра Эльза.

.

49

С тех пор я часто смотрел в ту сторону с надеждой увидеть своего отца, возвращающегося с фронта. Впоследствии, работая с ветеранами, я убедился, что солдаты и командиры, которые погибли на фронте, для своих семей они не исчезли бесследно, память о них продолжает жить в душах их близких, а сыновняя привязанность с годами не ослабевает, а наоборот, усиливается».

После окончания школы В.В. Груздев намеревался поступить в сельхозинститут, где училась его старшая сестра. Но полковник из военкомата с сединой на висках и орденом Александра Невского на груди убедил его, что он, как сын командира полка, погибшего за Родину, должен продолжить дело своего отца. И В.В. Груздев поступил в Томское артиллерийское училище. Окончил его. Затем поступил в Ленинградскую артиллерийскую академию. Стал высококлассным специалистом по ракетно-артиллерийскому вооружению. Служил в Советской армии в различных регионах СССР и ГДР. Вышел в запас в звании подполковника. В 2012 году он был избран председателем Челябинского городского комитета ветеранов войны, боевых действий, военной службы и правоохранительных органов. Успешно прошагали по жизни и его сестры, все получили

высшее образование, а Эльза стала доктором наук и в настоящее время активно участвует в работе ветеранской организации Томской области.

«Я же, работая в ветеранской организации Челябинской области, - сказал, завершая свои воспоминания, В.В. Груздев,- убедился, что далеко не у всех сирот Великой Отечественной войны также благополучно, как у нас, сложилась жизнь. Поэтому считаю, что этой категории ветеранов должно оказываться повышенное внимание, так как вклад в победу их отцов неоценим».

Пройдут года

Слова М. Исаковского

музыка В.Захарова

С одним желанием и дуною одною,
Со всех концов родной своей земли
Мы собрались дружною семьею,
Мы все учиться мастерству пришли.

Припев

Пройдут года, настанут дни такие,
Когда советский трудовой народ
Вот эти руки, руки молодые
Руками золотыми назовет

Куда бы нас отчизна не послала,
Мы с честью дело сделаем свое.
Она взрастила нас и воспитала,
Мы все - сыны и дочери ее.

Припев

Мы будем всюду первыми по праву
И говорим от сердца от всего,
Что не уроним трудовую славу
Своей страны, народа своего

Припев

Витя Черевичкин
(Из цикла забытых песен)

Жил в Ростове Витя Черевичкин,
В школе он отлично успевал.
И в свободный час всегда обычно
Голубей любимых выпускал

Припев: Голуби, мои вы милые,
Улетайте в солнечную высь,
Голуби, вы сизокрылые,
В небо голубое унеслись.

Жизнь была прекрасной и счастливой,
О, моя любимая страна
Юность, ты прошла с улыбкой милой,
Но внезапно грянула война.

Припев

И однажды мимо дома Вити
Шел отряд захватчиков зверей.
Офицер вдруг крикнул: «Отберите
У мальчишки этих голубей!»

Припев:

Мальчик долго им сопротивлялся,
Он ругал фашистов, проклинал,
Но внезапно голос оборвался,
И убит был Витя наповал.

Припев:

Голуби, мои вы милые,
Улетайте в облачную высь.
Голуби, вы сизокрылые,

Видно сиротами родились.

Примечание: Голуби, по-видимому, были почтовые и доставляли красноармейцам сведения об оккупантах в городе. Витю похоронили в пионерском парке Ростова-на Дону. Позднее там ему поставлен памятник, а парк назвали именем Вити Черевичкина.

Содержание

51

Это нашей истории строки.....	
Дети войны – детям мира.....	3
Годы, которые невозможно забыть....	7
Как кошмарный сон.....	8
Память.....	9
Детство в оккупации.....	10
Ленинградский почтальон.....	12
Ленинградское братство.....	14
Ленинградцы.....	15
Бойцы Танкограда	17
Золотая рота.....	20
Память сердца.....	21
Начаровы.....	23
После дальних походов.....	26
Спасибо, сынок.....	28
Дом обороны	29

Металлист	... 33
Оружейных дел мастер.....	35
Елочные игрушки.....	36
Первомай 1942 года.....	37
Лешкины кубометры.....	38
Мечтали о скорой победе.....	38
Война и школа.....	39
Пионерлагерь «Буганак».....	40
Дети войны.....	41
Шофер из Байконура.....	42
Саня Антипин.....	43
На волнах жизни.....	44
Измена	45
Серая шинель.....	46
Любовь к Родине формируется с детства.....	47
Пройдут года.....	49
Витя Черевичкин.....	50
Содержание.....	51